

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

Летом перед грозой

НОМИНАНТ
ПРЕМИИ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР»

ПЯТЫЙ РИМ

16+

Дмитрий Лекух
Летом перед грозой

«Литературный Совет»

2018

Лекух Д.

Летом перед грозой / Д. Лекух — «Литературный Совет», 2018

ISBN 978-5-0009-9474-0

Лето. Природа. Красота. Друзья. Рыбалка на Русском Севере. Но надвигается гроза. Что-то должно произойти... Что-то будет... Новый роман писателя и публициста Дмитрия Лекуха о последнем мирном лете перед войной в Донбассе, выдвинутый на премию «Национальный бестселлер» 2017 года.

ISBN 978-5-0009-9474-0

© Лекух Д., 2018

© Литературный Совет, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	42
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	54
Глава 15	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Лекух

Летом перед грозой

*We're foot—slog—slog—slog—sloggin' over Africa —
Foot—foot—foot—foot—sloggin' over Africa —
Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down
again!)*
There's no discharge in the war!

Joseph Rudyard Kipling. «Infantry Columns»

Всем, с кем выпивали у ночного костра, посвящается

Издание не рекомендуется детям младше 16 лет

ISBN 978-5-9908266-3-2

© Лекух Д., 2017

© Издательство «Пятый Рим»™, 2017

© ООО «Бестселлер», 2017

Пролог

...Вы можете спорить со мной сколько угодно, но на рыбалку из Москвы хорошо уезжать поздним вечером и непременно в дождь.

Я бы даже, наверное, сказал несколько по-другому.

Не «хорошо».

«Правильно».

Только вот следует помнить, что этот самый дождь тут далеко не всякий годится.

Тут нужен – особый дождь.

Такой.

Больной и мелкий.

Как раз такой, как и бывает на Севере, куда мы сейчас едем.

Такой, что – чем вот противнее, – тем лучше.

Когда, выгружая вещи из машины, сначала накидываешь на голову капюшон, чтобы не натекло за шиворот – все остальное-то еще терпимо, мы люди привычные.

Я и сам далеко не один раз, заблудившись в волжских камышах во влажных вечерних сумерках, просто оставался ночевать в лодке, накрывшись каким-нибудь подвернувшимся под руку брезентом: там, в этих извилистых «раскатных» протоках, в темноте никакой навигатор не поможет.

Ну.

И какой смысл тогда, простите, плутать?!

Накрылся брезентом, отхлебнул из фляги, высмолил горькую, волглую сигарету, прижался покрепче спиной к спине напарника.

И – дремли себе до утра.

Так что сам по себе дождь – это, опять-таки, простите, – фигня.

А вот за шиворот – это уже немного неприятно...

... Ну, а так, дождь – это даже и хорошо.

Мокрый, блестящий перрон.

Тяжелые плащи провожающих.

Какие-то тревожные девчонки в обязательных джинсах в обтяжку и кокетливых дождевиках, старательно и суетливо выспрашивающие, с головы или хвоста состава идет нумерация вагонов.

Тревожные огоньки и кислый дымок сигарет.

Хорошо.

А еще лучше дожждаться, когда очередь перед проводницей внезапно переместится внутрь.

Не торопясь, со вкусом, докурить скукожившуюся от влажности сигарету.

Затащить рюкзаки и тубуса со спиннингами в неожиданно светлое и чистенькое после мокрого перрона купе.

Рассовать их повсюду так, чтобы не мешались.

Вынуть из сумки холодное, запотевшее пиво, чокнуться с мужиками и сделать первый, самый вкусный, глоток.

Ну.

.За рыбалку!

Поехали.

– Валерьяныч! – Славян отрывается от горлышка, шумно выдыхает, вытирает предательски выступающий на лбу пот. – Ты домой звонить будешь? А то моя уже спать, наверное,

легла. Прямо сразу, как я только в машину погрузился. Ну, ребенок маленький, сам понимаешь. Будить, короче, не хочу. А утром она наверняка твоей Инге звонить будет. Ну, хотелось бы, чтоб она передала, что у нас все в порядке.

– А смс ей кинуть как, не алё?! – фыркает, округляя глаза, Глеб Ларин. – Или у нас тысячелетие на дворе на предыдущее переехало? Или ты у нас интеллектуально неполноценен, Вячеслав?! Или еще что?! Так подсказываю. Проснется – прочитает.

Славка хлопает себя по недавно протертому лбу и, схватив со столика телефон, убегает: писать, видимо.

Глеб же продолжает так же невозмутимо и старательно раскладывать по соответствующим персональной вагонной полке персональным ящичкам всякие необходимые, с его непробиваемой точки зрения, на предстоящие полтора дня пути мелочи.

Одну к другой.

Пиво он пока даже и не трогал.

Только открыл.

Вот разложится, переоденется в «дорожное», – тогда только и отхлебнет.

Аккуратист.

В этой его неумолимой последовательности и поступательности мне иной раз видится что-то весьма зловещее.

И временами даже некоторым образом inferнальное.

Или даже – тьфу-тьфу-тьфу, – маньячное.

Страшный, в сущности, человек.

Как, впрочем, и любой, в общем-то, порядочный финансист...

...Я делаю еще один глоток, вздыхаю, накидываю куртку, засовываю в карман телефон и пачку сигарет и отправляюсь на перрон курить.

Заодно и жене позвоню без посторонних.

И тут мешаться никому не буду.

До отправления скорого фирменного поезда № 016А «Москва – Мурманск» «Арктика», отбывающего с Ленинградского вокзала столицы в ноль часов сорок три минуты по Москве – еще пятнадцать минут.

Глава 1

... В этих новых поездах я всегда пропускаю момент отправки.

В старых – там все было понятно.

Состав сначала дергался, потом раздавался лязг сцепок. И только после этого начинали вращаться колеса.

А теперь – вот только-только стояли, а теперь перрон уже уплывает назад все быстрее и быстрее, и ты, чисто от неожиданности, случайно давишься пивом и только потом внезапно осознаешь, что ты уже, в общем-то, – в пути.

– Ну чего, – спрашиваю, – Славян, жене смс отписал?

– Отписал, – хмыкает, натягивая узкую «домашнюю» футболку.

Футболка смешно цепляется за жесткую рыжую щетину, которую Славка отчего-то с гордостью называет бородой, поезд покачивается на стыках, какие-то нитки с внутренней стороны попадают ему в рот, он отплевывается.

Выглядит, кстати, при этом, – все равно абсолютно шикарно.

Невысокого роста, сухопарый, изящный, с отлично прорисованной мускулатурой и коротко стриженной, но, все равно видно, что отчаянно густой рыжеватой шевелюрой и удивительно удачно разбросанными по сухощавой физиономии неяркими аристократическими веснушками.

Челюсть, естественно, чуть тяжеловата и соразмерно выдается вперед.

И не скажешь, что корнями не с Туманного Альбиона, а из глухого саратовского села.

Я, по крайней мере, со своими тяжеловатыми мышцами и, несмотря на чуть ли не ежедневные занятия в спортзале, все серьезнее прорисовывающимся животом, – рядом с ним, в самом лучшем случае, – разночинец.

И то исключительно до той поры, пока хотя бы относительно трезв...

– Она мне сразу же и перезвонила, – фыркает. – Говорит, не смогла уснуть. Ждала звонка. Могла бы и предупредить, мне-то откуда знать, что у нее в мозгах?! Сложно с ними. Сиськи отрастят, а с головой один черт проблемы.

.Ну, тут он, положим, – неправ.

Мозги у его жены имеются.

Вполне.

А что дурит слегка – так это понятно. Второго ребенка заводить сейчас вообще, наверное, непросто.

Особенно если после сорока.

Про третьего – я уж и не говорю.

.Хотя его Ирке дать сорок может только человек, очень хорошо разбирающийся в женском возрасте: ухоженная девочка, только чуть заметные морщинки возле слегка узковатых и немного брезгливо оттопыренных губ и позволяют догадаться, что ей, скажем так, «немного поболее тридцати».

Молодец.

Но это я что-то отвлекся.

– Выпивать-то, – спрашиваю, – будем?!

Мужики довольно ухмыляются:

– А то.

.Накрывать стол, будь то пенек где-нибудь на лесной поляне у шикарной речки, в тайге, или, как сейчас, пошловатый пластиковый столик вагонного купе, – Глеб не позволяет никому и никогда.

Не потому, что ему так нравится нам еду на стол накрывать, просто иначе – порядка не получится.

А это – нехорошо.

Короче.

Сначала он достал контейнер с отварной молодой картошкой, еще теплой, чуть политой нерафинированным подсолнечным маслом и обильно посыпанной свежим зеленым укропом. Отдельно, для любителей, вынул еще один контейнер, – с твердой деревенской сметаной.

Открыл.

Понюхал.

Протянул:

– У-у-у...

Выложил в пластиковую миску, предварительно развернув из фольги, собственноручно отваренный говяжий язык.

Украсил миску, – отдельно, с краю, – пятнами: желто-коричневым злой деревенской горчицы, темно-коричневым не менее злой «домашней» кавказской аджики.

Белым – крупного помола соли.

Зеленым васаби.

И, наконец, характерно-красноватым – хреном со свеклой.

Устроил на салфетке вдоль окошка зеленые, тщательно промытые перья молодого лука и чеснока, на отдельную миску положил домашние котлеты с чесночком, сделанные в дорогу моей женой, еще на одну бросил порезанные крупными ломтиками свежие огурцы и помидоры, разбавил редиской.

Оставшуюся пластиковую миску загрузил несколькими видами приобретенных на рынке солений и принялся не торопясь, тоненькими лепестками резать копченое и соленое белорусское сало.

– Валерьяныч! – командует. – Наливай!

– Не понял?! – выгибаю вверх левую бровь домиком и лезу в дорожный холодильник за пузырем. – Достать-то я ее, Глебушка, достану, разумеется. Раз уж она у меня. А вот разливать – тут и помоложе есть...

– О-о-о! – дразнится, чуть подквохтывая, Славян, которого Глеб усадил чистить от скорлупы сваренные вкрутую яйца. – Нашел молодого, да. А яйца кто чистить за меня будет?! Пушкин?! Или сам, понимаешь, граф Лев Николаевич Толстой?!

Ну да.

«Срезал» один такой.

– Яйца, – успокаиваю его, – тоже будешь чистить ты. Зачем напрягать классиков великой русской литературы?! К тому же, ты их уже почистил. А традиции – нарушать нельзя. Видишь, я уже и бутылку достал. А рюмки, кстати, – где-то там, у тебя.

Он хлопает себя по лбу и лезет куда-то вниз, под столик, за рюмками, бодая головой по очереди сначала уже, к счастью, убравшего острый как бритва рыбацкий нож Глеба, а потом и сам столик.

Глебушка на это никак не реагирует и не отвечает.

Столик – к счастью, тоже.

Славян что-то мычит, вынимает все-таки рюмки, расставляет их поухватистее.

Потирает ту ушибленную часть тела, где у нормального человека должна быть голова, потом со вздохом берет емкость, сворачивает пробку и, наконец-то, не спеша принимается разливать.

Глава 2

.. Мы, кстати, уже далеко не первый год вместе на рыбалку ездим.

Точнее – на рыбалки.

Они у нас, так-то, вполне себе даже и разные.

Глеб, так тот вообще большую часть времени не «нормальный» человек и рыбак. А, простите, «водоплавающий».

Ну, – подводный охотник, в смысле.

Дайвер.

Ему нужны колки в «раскатах» или неглубокие прозрачные приямки в извилистых протоках дельты Волги.

А Славка – «джигит», – судачатник, предпочитающий ловить на глубинах, на «большой воде».

Где Глебу делать, к примеру, в свою очередь, ну совершенно нечего.

А еще они родственники (Глеба женат на славкиной сестре) и близкие друзья...

.Ну, а я в этом смысле – вообще существо всеядное.

С одной стороны, и в дельте могу щучку с удовольствием погонять, и жереха по протокам из-под «каршей» повыдергивать.

Но и «джиг» тоже покидаю.

Вполне.

С нашим, что называется, на то полнейшим, надо отметить, удовольствием.

. Так что ругаемся, как вы и сами понимаете, постоянно.

Но вот только – не сейчас.

Эта вот конкретная рыбалка – она в этом, да и не только в этом, плане – совершенно особенная.

Вот уже, считай, несколько лет в одно и то же время и по одному и тому же вполне себе конкретному маршруту.

Кольский полуостров.

Семга...

... Даже – распорядок уже отлажен.

В поезде, к примеру, – берем купе на троих.

На двух нижних полках мы с Глебом, на одной из верхних полок Славка, как самый молодой, а на другой – не вместившийся под нижние полки багаж. Его в таких экспедициях требуется – ой, много.

Ну, а в такой конфигурации – вполне просторно.

И, опять-таки, никого постороннего за столом.

.Вздрогнули.

Первые три – по пятьдесят.

Потом дозы уменьшаться будут.

Ровно вдвое.

Торопиться нам, в принципе, некуда: впереди две тысячи верст только по железке, до Кандалакши.

А потом еще будут три часа на микроавтобусе по асфальту и шесть-семь точно таких же полноценных часов безумной тряски по лесному бездорожью на «шестьдесят шестом», не считая остановок для перекуров, перекусов и прочего фотографирования.

Время, – так что пока что есть.

Ну, а тогда давайте, мужики, – по первой.

.Выдохнули.

Закусили.

Вкусно так закусили, как всегда бывает в начале долгой поездки на поездах, в начале отпуска, когда нестарые еще мужики внезапно ощущают себя хотя бы на какое-то время свободными.

Точнее, – эту самую свободу предошущают.

Самым краешком.

Почувствовать ее, увы, получается не всегда...

– Славян, – удивляюсь, – что-то ты там неправильно так долго ковыряешься. Разливай давай. Да и закусываешь как-то вяловато. Случилось, что ли, что?

Славка вздыхает.

– Да сам не пойму, – откручивает пробку на горлышке. – Депресняк какой-то лютый в последнее время. Вроде бы и все хорошо, а – нехорошо. Ну, просто совсем нехорошо. Даже и не знаю, что со всем этим делать. Может, сейчас получится разобраться. На рыбалке, в смысле. Там думается привольно.

Я киваю.

Лезу в карман, достаю электронную сигарету, делаю пару затяжек.

Ну да.

Не совсем замена нормальному куреву, конечно.

Но хоть что-то, а то в тамбур идти как-то лениво.

А скоро и вообще курение в поездах полностью запретят.

– Ну да, – соглашаюсь со своими же, кстати, мыслями. – Думается, там действительно классно. Мне однажды здорово помогло.

.Это уже больше десяти лет назад было.

Я еще тогда бизнесом активненько так занимался.

Да какой там – «десять лет».

Почти пятнадцать.

От меня тогда как раз в очередной раз Инга ушла.

Глава 3

Валерка

.. У нас с Ингой раньше все ссоры происходили приблизительно по одному и тому же сценарию. Настолько хорошо знакомому, что даже сама по себе ругань не вызывала никаких особых эмоций.

Рутина.

Допустим, я что-нибудь не то брякну или сделаю. Или она приедет откуда-нибудь заведенная, наорет.

Я огрызнусь, причем повысив тональность.

И – пошло-поехало...

А мирились всегда – очень тяжело.

Гордые.

Оба.

И так – почти одиннадцать лет, пока она от меня не ушла.

Я здесь не буду описывать, через какой ад пришлось пройти, чтоб ее вернуть. Не место и не время.

В конце концов, каждый из нас имеет право на свою личную жизнь, верно?!

Но вот к ссорам и прочей ругани мое отношение после всего этого изменилось – самым что ни на есть кардинальным образом. Я их стал бояться и избегать. Вижу, допустим, что человек заведен до белого каления, а помочь ему ничем не могу, – ну, значит, и – на фиг.

Куртку одел и в паб.

К парням.

Там пересидишь чуть-чуть, и – либо она позвонит, либо, когда сам ее наберешь, уже по голосу сразу же становится все понятно: стоит уже возвращаться или имеет смысл пройтись еще по пинте «Гиннеса».

Но в тот раз – все-таки не увернулся, не успел.

Пособачились.

В общем, собрала она вещички – и опять к подруге.

Я, естественно, подруге перезвонил.

– Как она там? – спрашиваю.

– Не лезь пока, – отвечает. – Не знаю уж, кто у вас в этот раз прав там или не прав, но пусть девчонка успокоится. Успокоится – тогда и поговорите.

– Понял, – говорю. – Пережду. Она как отойдет, ты мне перезвони, ладно?

– Естественно, – фыркает. – Не в первый раз...

Вот и переговорили.

Блин.

Ну, ночь я как-то еще туда-сюда переверочался, а утром, на работе, – вдруг такая тоска навалилась, что – либо напиться надо, либо – сразу пулю в висок.

Нет, думаю.

Так не пойдет.

Надо что-то делать.

Пошел в кабинет к заму.

– Олег, – мямлю. – Ты меня недельку не подстрахуешь?

– Подстрахую, – отвечает. – Опять, что ли, с Ингой пособачился?

– Угу.

Он ржет:

– Ну, это у вас – перманентное. Я раньше за тебя каждый раз боялся, теперь уже перестал. С тех пор, как она тогда вернулась. Ты даже как-то добрее стал. Видно, что изменился. Значит, все в порядке будет.

– Ты, – говорю, – только насчет моей доброты клиентам никому не брякни. Они добрых любят. Так любят, что с говном сожрут, чуть слабинку отпустишь.

– Это да, – вздыхает. – Куда собрался-то? Опять под Астрахань? Или в Карелию?

– В Карелию, – говорю решительно. – Я это, когда ты вопрос задавал, понял. До этого в дельту собирался, под Астрахань.

– Вали, – ржет. – Всем только спокойнее будет. И мне, и тебе. И Инге, кстати...

Так, думаю.

Полдела сделано.

Теперь надо сообразить, кого в попутчики брать. Обычная наша рыбацкая компашка не подойдет: и сорваться вот так внезапно никто не сможет, и за трофеями я сейчас гоняться не собираюсь.

Мне бы – посидеть, подумать.

На закаты посмотреть.

Значит, надо Руслану звонить.

Без вариантов.

Славян с Глебом только-только с Камчатки вернулись, значит, совершенно точно не подорвутся.

Итого – только Руслан.

.Набираю:

– Привет, Русланыч. Херово все у меня.

Слышу – сопит в трубке:

– Опять с Ингой проблемы?

– Угу.

– И что предлагаешь?

– Давай, – говорю, – в Карелию маханем?

Молчит, сопит.

– Ну, так что?

– Блин, – взрывается. – Валер, ты можешь людей не так часто своими проблемами грузить? Ну, так, хотя бы вполовину. Во-первых, поздно, там уж совсем осень. Во-вторых: кто ж меня с работы-то отпустит?!

– А ты попробуй, – вздыхаю, – может, и получится что.

– Хорошо, перезвоню.

И трубку повесил.

А я секретаршу попросил кофе сварить.

И рюмочку коньячка сварганить, под лимончик.

Оттягивает, знает ли...

... Не успел сигарету после коньяка выкурить – мобильный звонит.

Руслан.

– Блин, – говорит, – горелый. Я уж совсем было собрался, сходил к шефу, работы-то сейчас не так много, а он меня на фиг послал. Сиди, говорит, в конторе, думай над будущими материалами.

– Руслан, – говорю, – а ты не гонишь? Может, просто ехать неохота?

Обиделся:

– Охота – неохота, – какая разница. Друзей у меня не так много.

Согласен, думаю.

– А что он на тебя взъелся-то?

Сопит.

– Рус, – говорю. – У тебя что, тоже проблемы какие-то?

– Да какие проблемы, – отвечает. – Просто шеф у меня мудака. Ему кто-то звизданул, что меня на его место рассматривают, вот и гнобит. Нужно мне его место, ага. Я журналист, а не чиновник – бумажки перекладывать. Я снимать люблю, а не руководить.

– Ша, – говорю, – попробую что-нибудь придумать. Перезвоню потом, ага?

– Ну, перезвони. Хотя с дураками и дорогами в России борьба уже знаешь сколько ведется?! Вот. И у тебя тоже вряд ли так быстро получится.

Тут я, уж извините, – хмыкнул:

– Ну, – говорю, – со всеми дураками в России мне точно не справиться, я деньги делаю, а не за высокое и светлое борюсь. А с одним отдельно взятым – почему бы не попробовать.

Отключился и тут же другой номерок набрал.

Есть у меня один добрый знакомый...

– Привет, – говорю, – дядя Федор, как поживаешь?

– А! – орет. – Пропавшая душа! Я уж и не надеялся, что позвонишь, хотел уж Инге вывощку сделать, что забыли друзей своих.

– А вот этого, – говорю, – не надо делать ни в коем разе. Поссорились мы.

Молчит.

– Опять ушла, что ли?

– Опять, – говорю, – Федь. Нет, вроде как – не навсегда, бытовуха обычная, но – есть проблемы.

– Ну, и что делать будешь?

– Сначала помирюсь, потом свалю куда-нибудь. На время, чтобы остыла. Да и в себе разобраться надо.

– Понял, – вздыхает. – Опять на рыбалку куда-нибудь? Может, лучше нажремся?

– Федь, – вздыхаю в ответ. – Если мы с тобой нажремся, это опять закончится в лучшем случае – казино, в худшем – баней с девками, которые, как ты знаешь, меня совершенно не интересуют. Я жену люблю.

Он некоторое время молчит.

Думает.

– Странный ты, – говорит наконец, – Валерьяныч. Я вот жену тоже люблю, но девки меня как раз очень даже интересуют. Ну, да ладно, тут уж у каждого Абрама своя программа. А вот что тебе от меня надо-то?! Никогда не поверю, что ты мне просто так позвонил, акула капитализма хренова.

– Нда, – говорю. – Если я акула, то ты тогда кто? Кашалот, не иначе. А дело у меня к тебе и вправду есть.

– Ну, так излагай.

– Излагаю. У тебя на Канале такой парень работает, слышал? – и называю русланову фамилию.

– Слышал, – удивляется, – конечно. Один из лучших наших ребят. И то, что ты с ним дружишь, тоже знаю. В чем проблема-то?

Ну, объяснил ему ситуацию.

Дядя Федор задумался.

– Перезвони-ка мне через полчаса...

– Хорошо, – говорю. – Перезвоню.

И – действительно перезвонил.

Поблагодарить.

Потому как перед этим мне перезвонил Русланыч...

– Слушай, Валерьяныч, – удивляется. – Что ты такое с моим шефом сделал?! Я тоже так хочу уметь! Нарисовался счас, такой весь добрый, пушистый, ласковый. Говорит, подумал, понял, что ошибся. Ну, и прочую мутотень.

Нда, думаю.

Ну и мразь же твой шеф.

– Короче, – морщусь. – Сколько он тебе дал?

– Аж десять дней! Причем – не из отпуска, а как отгулы за переработку! У нас в отделе такого уж года три как не было!

– Вот видишь, – смеюсь, – А ты говоришь – с дураками справиться невозможно. Ольгу-то предупредил?

– А то! Не могу сказать, что она от счастья фонтанировала, но – поняла, скажем так. Когда выезжаем-то?!

– Сегодня, – говорю решительно. – В ночь. Билеты сейчас закажу, через часок, думаю, привезут. Только вот один звонок сделаю.

Совершенно честно, я в таких ситуациях очень боюсь своего телефона.

Но звонить-то все равно надо.

.Набрал номер.

– Привет, – говорю, – Ингусь. Ты как?

– Привет, – отвечает.

Голос холодный.

Хреново.

– Знаешь, – вздыхаю. – А я извиняться звоню.

– За что?!

– Да хрен его знает, за что, – отвечаю совершенно честно. – Но чувствую, что надо. Плохо мне без тебя...

– А мне без тебя хорошо, – злится.

Молчу.

– Правда, извини. Я же обещал, что рецидивов не будет, а вон как вышло.

Тишина.

– Ты, правда, прости. И езжай домой. Я сегодня ночью в Карелию уеду, так что не загружу.

Молчит.

Потом – тоже вздыхает.

– Какой же ты у меня все-таки идиот, Валер. Ты почему решил в Карелию сбежать?! Чтоб я дома спокойно пожила и подругу не нагружала?!

– Да нет, – объясняю. – Я ж понимаю, что в этот раз у нас не «развод», а просто сорвались. Просто и тебе надо от меня немного отдохнуть, и мне голову в порядок привести. Ты же знаешь, мне – помогает.

Молчим уже оба.

– Может, мне с тобой поехать?

Я аж опешил.

– Солнце мое. это – то, что я больше всего хотел услышать. но – не верил. даже мечтать не мог. И, тем не менее, наверное, не стоит. Я такую глушь сейчас заказал, там – ни горячей воды, ни электричества. Плюс – дожди, осень же, а там – Север.

– Я – сильная.

– Инга! Ты сейчас кому про это рассказываешь-то?! Сколько лет вместе. Но – дело не в силе. Просто. Ну, понимаешь, если ты там раскапризничаешься из-за быта – это нас обоих еще хуже загрузит. Согласна?!

Молчит.

Но уже по-другому.

Думает.

Почти как дядя Федя минут двадцать назад.

Наконец вздыхает:

– Наверное, ты прав. Один едешь?

– Нет. Руслана уговорил.

– Руслана?! Это хорошо. Правильный парень.

– Правильный, – соглашаюсь. – А ты, если вдруг все же решишься – подъезжай под конец.

На пару дней, не больше.

– Да нет уж, – фыркает. – Я лучше и вправду с Ольгой, женой руслановой, по киношкам пошляюсь. Или – в Прагу с ней слетаем на выходные. Вы же – надолго?

– Да дней на десять.

– Ну и валите. А мы и вправду в Прагу. Башку себе прочистишь – опять человеком станешь. Хотя и не навсегда...

– Угу, – говорю. – Ты знаешь, – я тебя так люблю.

– А я тебя – нет.

Но по голосу понимаю – уже опять любит.

У нас всегда так.

. Короче, уже этим же вечером мы с Русланом опрокидывали в СВ рюмки под неизбежную дорожную курицу.

И это было абсолютно правильно.

В Кеми, куда мы приехали через сутки, нас встретили ребята из местной туристической фирмы.

Довезли до Калевалы, поселили в гостинице.

А утром погрузили в уазик-«буханку» и повезли на заимку, где нам и предстояло провести ближайшие восемь дней.

.Егерь на таежной рыбалке в незнакомых местах – это, наверное, самое главное. Перекаты эхолотом не промеряешь, есть там хариус или нет – не угадаешь. Если ты, конечно, не спортсмен-нахлыстовик с нереальным опытом.

Мы же – так, любители.

Даже и не спортсмены.

Ставить перед собой на рыбалке спортивные цели мне, например, просто противно.

В эдакую красотищу тащить с собой конкуренцию, по-моему, даже не глупо.

Подлю.

Этого добра лично мне и на работе вполне хватает.

Поэтому – лотерея.

Повезет с егерем – отлично.

Не повезет – пусть лучше у костра сидит, пока ты по перекатам скачешь. Потому как ни одна рыба не достойна испорченного на фиг настроения.

А на уху мы себе всегда и без всякого егеря наловим.

Не первый год на воде...

...С Валеркой мне в этот раз – абсолютно точно – повезло.

Тезки опять-таки.

В общем-то, и Русланыч на своего егеря тоже не жаловался, но мне вот тут уж вот точно по-настоящему повезло.

Представьте себе еще довольно молодого, но уже абсолютно немногословного карела. Не получится – представляйте себе точно такого же финна. С моей дилетантской точки зрения, не очень-то они друг от друга и отличаются.

Чаще всего я от него слышал только одно слово:

– Так.

Абсолютно универсальное, надо сказать, слово.

– Валер, уху заваришь?

– Так.

– Валер, где сейчас хариус стоит, в начале порога или на выходе?

– Так, – и взмах руки в нужном направлении.

– Валер, а грибы уже отошли, или можно еще набрать на супчик?

– Так.

И молча уходит в лес, откуда через полчаса возвращается с пакетом, доверху набитым белыми.

Я, в общем, грибы собирать умею и люблю, но – на самом севере Карелии, почти на границе с Кольским, в конце сентября...

Еще неделя-другая, и снег ляжет.

До весны.

.В общем, – повезло.

Молчит, помогает, думать не мешает.

От рюмки не отказывается, но – в меру.

Найдите мне еще, пожалуйста, пару-тройку уверенно знающих свою меру финнов, и я на них женюсь.

На всех скопом.

Вот – то-то же.

.А потом он неожиданно кинулся на меня с ножом.

Дело было так: обычные капризы осенней северной погоды.

То весь день льет мелкий противный дождь, то вдруг яркое, почти летнее солнце и жарко: не то что в куртке, но даже и в свитере. Особенно когда с камня на камень в вейдерах по перекату прыгаешь.

Вот и в тот день низкие тучи неожиданно разошлись, вышло солнышко, лес засиял скудным северным золотом, вода – небесной голубизной, по которой время от времени начинали гулять тихие, ровные круги.

Это выходил кормиться к поверхности рыбий король этих мест – крупный европейский хариус.

Вот я и разделся до безрукавки.

Поставил на спиннинг поплавков-сбируллино, прицепил на поводке крупную муху, и – вперед.

За полчаса наловился так, как до этого за всю поездку.

Валерка все это время на меня смотрел.

А когда я взял садок с наловленными для ухи и копчения крупными харюзами, аккуратно поставил хрупкий «лайтовый» спиннинг у золотой от солнца и осени березки и подошел к костру, у которого он сидел, он кинулся на меня с ножом.

Хорошо, что у меня в такие секунды мозг не работает. Тело само по себе решения принимает.

Пропустил, взял на прием, швырнул в сторону.

Нож, правда, выбить не удалось, только руку порезал. Но несильно.

Гляжу – лежит, лыбится.

– Ты чё, – интересуюсь, – парень? Совсем сдурел?! А он – продолжает мне улыбаться.

И лицо такое хорошее.

Ну, думаю, – кабздык.

Попал.

Кругом – Северная Карелия, тайга, ближайшая деревня с телефоном в восьмидесяти километрах.

И то если по прямой.

И я – наедине с сумасшедшим егерем с ножом в руках. Отдохнул, называется...

...Ну, он поднялся, присел на камушек.

Нож в землю воткнул.

Улыбается.

– И правда, – говорит, – спецура. Так. А почему портачка неправильная?

– Ты о чем? – удивляюсь.

– О ней, – отвечает.

И показывает на мое правое плечо. Там из-под майки моя древняя армейская блажь вылезла.

Татуировка.

Летучая мышь в лихо сдвинутом на бок десантном берете.

И надпись.

Цифрами.

Служил я там, что уж тут поделаешь.

Давно.

– Ну, – хмыкаю. – И что же в ней такого неправильного?

Жмет плечами.

– Я, – говорит, – видел ребят из сто семьдесят седьмого. Так. Это полк, а не отряд. И эмблема у них – не мышь. Волк...

Я аж на камешек сел.

Твою мать.

– Парень, – спрашиваю, – а ты в каком году служил-то?!

– Да вот, – отвечает, – год как на дембель пришел. Так.

Потом подумал и добавил:

– Из Чечни.

Вот ведь блин.

Полез в карман, достал сигареты.

Прикурить, наверное, с минуту не мог.

Руки тряслись.

– Так ты, – говорю, – из-за этого, что ли, на меня с выкидухой кинулся?!

Кивает.

– Так.

– Парень, – говорю, – ты что, совсем тупой?! Эта, как ты говоришь, «портачка» сделана почти двадцать лет назад! В Газни. Не в Чечне. За речкой. В Афгане, мать твою, если не понимаешь. И откуда мне, блин, знать, есть ли сейчас сто семьдесят седьмой полк «с волчьей мордой»?! Я про свой-то отряд не знаю, есть он сейчас или расформирован к такой-то матери. Столько лет-то прошло.

Сидит.

Молчит.

Смотрит.

А потом вдруг встает, прыгает в нашу лодку, которая перед входом в порог стояла, заводит мотор и уезжает.

Ну, думаю, – совсем беда.

Вокруг – тайга, речка порожистая, этот придурок свалил.

Не пропаду, конечно.

Огонь есть, соль есть, воды – сколько угодно. Я всегда в тех краях воду из рек и озер совершенно спокойно пью.

Не очень много таких мест у нас в стране осталось.

К сожалению.

Вон харюза свежевывловленные лежат.

А вечером Русланыч наверняка поймет, что что-то не так, найдут меня со своим егерем.

Приблизительно видели, куда мы пошли.

Разберется.

А все равно – неприятно...

...Докурил сигарету, тут же прикурил следующую.

Вдруг слышу – мотор.

Ну, думаю, самое главное, – это чтоб он ружья с собой не прихватил.

От местного, да, к тому же, прошедшего неплохую армейскую школу человека, – мне здесь не уйти.

И возраст уже не тот, и форму подрастерял, и каждую складку рельефа, в отличие от него, здесь выросшего, не знаю.

Нож с пояса снял, положил под руку, прикрыл курткой.

Если сразу стрелять не будет и подойдет поближе – может, успею попасть.

А там – посмотрим.

.А вот и лодка из-за поворота показалась.

Точно, он.

Подлетел, мотор поднял, якорь на берег кинул, выпрыгнул.

В руках, к счастью, – не ружье.

А такая здоровенная, литров на пять, бутыль местного мутного самогона.

И пакет еще какой-то.

Похоже, что закуска.

Ну-ну.

... Подошел, бутыль поставил, сел на соседний камень, пошевелил палкой костер.

– Извини, – говорит.

– За что?! – спрашиваю.

– Подумал о тебе неправильно. Плохо подумал. Давай выпьем?! Так?!

Я пожал плечами: а отчего бы и вправду не выпить?

Мне сейчас совершенно точно не повредит.

Может хоть в себя немного приду, после всего этого дурдома.

Так.

... Эту историю он мне рассказал, когда мы доели уху, а бутыль опустела уже почти что на четверть.

Ни до, ни после я ни разу не видел его таким многословным.

– Нас тогда только-только из Краснодара туда командировали. Я сапером был в десантуре. Сержант. Старший. Так. Ну, приехали, стоим. Так. А тут приказ – по машинам и вперед. «Чехи» в село недалеко вошли. Надо гасить. Так. Окружили. Блокировали. Так. Нам – «Вперед». Так. А какой «вперед», когда мы первый раз на войне, а «чехи» стреляют – даже головы не поднять?! Ну, вошли на окраину. Так. Они совсем плотно бьют. Я по радиации – сержант такой-то, помогите. А мне – парень, ты зачем сюда приехал? Умирать?! Вот иди и умирай! Пошел. Так. Потом что-то рядом грохнуло, я и вырубился.

... У меня до сих пор перед глазами эта картина. Может, он хорошо рассказывал, может – я его хорошо понимал.

А может – самогон помогал работать воображению.

Так тоже бывает.

А может – все вместе взятое.

Но я очень хорошо представлял и представляю, как он пришел в себя ночью на горе раздетых и заминированных трупов своих друзей. Как понял, что ранен в левое плечо и рука про-

сто не действует. Как аккуратно разминировался одной правой рукой, как убивал булыжником стоявшего к нему спиной чеченского мальчишку-часового. Как понял, что не может взять его автомат, потому что левая рука совсем не действует. Как подобрал гранату и, шатаясь, побрел в сторону окраины села – к своим.

Как его, полууголого и шатающегося, окликнули:

– Ты кто?

Как он стоял и думал, что сказать на это в ответ.

Долго думал, могли бы, наверное, и убить.

Как сказал:

– Я – русский солдат. У меня граната на боевом. Если вы «чехи» – лучше стреляйте сразу.

Так. Живым не дамся, и вас убью...

Как к нему подбежали, как осторожно освобождали гранату из скрюченных пальцев. Как потом, в госпитале, ему вручили Орден Мужества и вычли из денежного довольствия сумму за утрату оружия.

– Валер, – говорю. – Ты же – карел. Гордишься этим, как я понял. Что ж тогда говорил, что «русский солдат»?

Он задумался, пуская кольцами дым своих дешевеньких сигарет:

– Это я здесь карел, – говорит. – Там я был русский солдат.

Потом подумал и добавил:

– Так.

Я молча взял бутыль и разлил самогон по стаканам.

Над нами горел невозможный карельский закат. Шумел порог на фантастически красивой реке Писта. Русланыч со своим егерем уже наверняка вернулись на заимку, и он крыл меня последними словами, потому что на вечер была заказана баня, которая остывает.

Где-то далеко меня ждала моя Инга.

Ждала работа, ждали друзья, ждала неизменная компания в пабе.

Я понял, что пора возвращаться.

Мы выпили еще по одной, сели в лодку, и Валерка завел мотор...

Глава 4

– Валерьяныч, – слышу. – Эй, Валерьяныч! Ты там чего, совсем в себя ушел?! Хватит водку-то греть!

Я фыркаю.

И вправду, наверное, хватит.

«Валерьяныч» – это, кстати, не отчество.

Это – имя.

Валерьян.

Хотя я лично, сами понимаете, предпочитаю Валеру.

Дедушка удружил, пламенный революционер, в честь своего старого партийного друга Валерьяна Куйбышева, не к ночи будь помянут. Причем, дедушку я помню, нрава он был крутого, и перечить родители не осмелились.

А я – страдай.

Ну, а потом был вообще ад: когда за мной закрепилось прочное «Валерьяныч» или еще того хуже: «Валерьянкин».

Теперь-то привык уже, конечно, – а в молодости бесился – неимоверно...

– Во! – радуюсь. – Давайте и вправду выпьем. И – за то, что мне тогда помогло. И – за то, что Славяну сейчас поможет. За рыбалку, в смысле. Ура!

– Ура! – кивает Глеб.

– Ура! – вяло улыбается Славка.

Ура.

Выпиваем.

Закусываем.

– А что, не помогло, что ли?! – шурится Славян. – И с Ингой у вас с тех самых пор вроде хоть относительный, но порядок. И вообще ты после той поездки какой-то немного другой стал. Какой, точно сказать не могу, но ты мне таким нравишься гораздо больше.

Я вздыхаю.

Ничего себе, думаю.

Я думал – это только я сам заметил.

Ну, может, еще жена.

А оно – эвоно оно как...

– Да нет, – говорю. – Помогло, наверное.

– Ну, – смеется Глеб, – тогда за вышесказанное. Как говорили наши предки, господа гвардейские офицеры, между второй и третьей пуля не должна успеть просвистеть. Славян, разливай!

Смеемся уже вместе.

– А вот ведь еще что самое интересное, – недоумевает Славка, протягивая руку к бутылке, – вот ведь вообще никак эта депрессия с событиями в реальном мире не связана. В любой момент накрыть может. Когда, к примеру, с ребенком гуляешь. Или контракт подписываешь. Меня тут однажды, кстати, прям именно в такой момент и накрыло: надо подпись ставить, полгода этот договор у поставщиков выбивал. А – не могу. Просто, понимаешь, физически не могу. Предложил контрагентам отметить, пригласил секретаршу, попросил виски принести. Накатили с ними грамм по двести, только тогда и созрел. И то руки тряслись, черт его знает, что обо мне эти ребята подумали.

Я фыркаю.

– Бывает, да. Я, помню, когда еще бизнесом занимался, меня прямо по дороге накрыло, по пути на совет директоров. Выскочил на перекрестке из машины да и пошел куда глаза глядят. У водителя – когнитивный диссонанс, естественно, на грани истерики. Хорошо еще, что сообразил, что дергать меня не надо, пере-

строился в правый ряд да и ехал за мной потихонечку. Почти полтора километра, пока у меня кукушка на место не встала. Я тогда, кстати, и понял, что, наверное, пора завязывать. Всех денег не заработаешь, а нервная система – одна...

– Нежные вы, гляжу, какие, – хмыкает Глеба. – Мне вот как-то всегда не до того было. То семью кормить надо, то дом строить, то, сейчас вот Игоряну квартиру пришла пора покупать, на третий курс пацан перешел. Не до тонкости переживаний, короче.

Я снова достаю из кармана электронную сигарету.

Делаю пару глубоких затяжек и убирать ее уже как-то не собираюсь.

Надо бы все-таки сходить в тамбур, покурить, пока еще любимое и родное правительство это самое дело вообще окончательно не запретило.

Мудаки, конечно, что тут еще сказать.

– Игорян, – уточняю, – это же у тебя от первого брака?!

– Угу, – кивает. – Парень же не виноват, что у него мама дура.

Я вот даже и теряюсь немного.

Сам вторым браком женат, и у самого – ну точно такая же жизненная история.

Один в один.

– Ну, да, – тяну.

Глебушка хихикает.

– Славкин! – командует. – А что сидим, кого ждем?! Нормальные-то пацаны посидят-посидят, да и выпьют маленько.

.Подняли по третьей.

Молча, разумеется.

Мы с Лариным в одних и тех же войсках служили, у дяди Васи, там про третий тост объяснять никому ничего не надо.

Славян не служил, конечно, но с нами – уже привык.

Выпили.

Закусили чем бог послал.

– Ладно, – поднимаюсь. – Пойду я в тамбур, отравлю организм никотином. Не балуйтесь тут без меня...

Глава 5

.Я вот вообще не понимаю, кстати, как буду ездить в поездах, когда в них запретят курить окончательно.

Даже, вот, подумать боюсь.

И дело тут даже не в том, что «не утерпишь»: эта-то проблема как раз вполне себе даже и решаемая.

Те же электронные сигареты, да и открытое окно в сортире еще пока что никто не отменял.

Но – вот так постоять в тамбуре в одиночестве, слушая стук колес и разглядывая проносящиеся в ночной темноте огоньки грустных северных полустанков, я уже не смогу.

Просто – повода больше не будет.

А жаль.

.Потому как не знаю, как у вас, а у меня – именно вот в такие моменты по-настоящему хорошо думается.

В том числе и о стране, в которой мы все с вами живем.

Нет, правда.

Бесконечность пространств, сумеречное спокойствие лесов, однообразие полустанков или, как сейчас, ночью, тревожная желтизна пристанционных огней под монотонную музыку стука колес и качающийся вагонный пол под ногами – это едва ли не лучший фон для одиночества и понимания, которое только и возможно при одиночестве. Поезда вообще изначально заражены экзистенциализмом, а курящие тамбура тем более: жесткая замкнутость железной коробки, помноженная на проносящуюся за окном бесконечность, способствуют погружению в себя, одновременно тревожа и успокаивая.

Особенно после третьей рюмки, ага.

А после пятой так вообще возникает риск впасть в меланхолию, с переходом, после седьмой-восьмой, в слегка пошловатую сентиментальность. И вам после этого только и остается, что допить до полного катарсиса.

Шучу-шучу.

Просто в этой жизни хватает вещей, от которых только ирония и спасает.

И – более ничего.

Ибо верхние пуговицы у рубашки, безусловно, можно и нужно время от времени расстегивать, но человек, постоянно расстегнутый до пупа, теряет стиль: и прощать себе такого нельзя, потому как это прямой путь к деградации, поскольку в определенном возрасте утрата стиля начинает грозить потерей самого себя, и это начинаешь чувствовать как никогда остро и наверняка...

... Покурил.

Уткнулся слегка разгоряченным лбом в холодное оконное стекло. Ай, думаю, какие мы все-таки молодца, что снова туда выбрались.

Ай, молодца.

.В купе, когда я вернулся, уже вовсю спорили про Украину.

Вот сколько не ездю последнее время по России – всюду говорят о войне.

И хорошо, кстати, что пока еще только говорят.

Когда я вошел – замолкли.

Просто у каждого своя работа, а в доме повешенного о веревке как бы не дискутируют, да. – Гкхм, – наконец-то прокашливается Славян.

Я киваю.

– И о футболе, – говорю, – тоже ни слова. В гробу я их, мать, через поперечную, видал. Обо всем остальном – да сколько вам будет угодно...

– Не понял? – удивляется Глеб. – А при чем тут футбол?

Я хмыкаю.

– А при том, что сольют наши на чемпионате мира, – кривлюсь. – Позорно и скучно сольют. Особенно если без Широкова. Я поэтому сейчас с вами тут. В поезде на Кольский еду. А не на самолете в Бразилию лечу.

– Да, – вздыхает Славян, – я, в общем, тоже.

Покривились, пожали друг другу руки.

Славка принялся разливать.

– А скажи, – все-таки решается, – Валерьяныч. Чё там в ваших верхах по Украине-то слышно? Ну ведь все равно в покое не оставим. Будем, как твой любимый кот, вокруг сметаны ходить. Так что лучше уж тут, в поезде поговорить. И ехать себе с чистой головой дальше на Кольский, как считаешь?!

Я вздыхаю.

– Это, – интересуюсь ехидно, – в каких «верхах»? Ты отечественную журналистику, что ли, в виду имеешь?

Он кривится, подмигивает:

– Знаем мы, – говорит, – твою «журналистику», Ва-лерьяныч.

... Знает он, думаю.

Убивать таких «знатоков».

Но в ответ только вздыхаю:

– Если б, – говорю, – ты, Славка, реально что «знал», ты б меня сейчас вообще ни о чем бы и не спрашивал. Потому как был бы ты тогда под очень, извини меня, даже и серьезной подпиской.

Посмеялись.

Я взял ломтик сала, завернул в него разрезанную пополам дольку чеснока, макнул в горчицу, положил на кусок черного хлеба.

Поднял рюмку:

– Давайте, – говорю, – парни, для начала выпьем. За то, чтобы дрянь, которая шагает сейчас по украинской земле, никогда не пришла на нашу...

... Ларин покивал, пожевал губами.

Славка просто выпил.

Согласился, значит.

Да и у меня водка тоже как-то очень по-доброму провалилась.

Добавил к сооруженному бутерброду ломтик малосольного огурца, зажевал, горчица пряно обожгла рот.

Подумал.

Соорудил следующий и сразу же после этого понял, что что-то пошло не так.

В смысле, – есть как-то сразу и неожиданно – расхотелось.

Нда.

Ну, да ладно, может быть, чуть попозже.

.Гляжу, а парни – молчат.

Смотрят.

Ждут.

Надо все-таки, стало быть, отвечать.

Даже если и не хочется.

– Плохо там все, – говорю, – мужики. Очень плохо. Там, похоже, теперь только война и будет. Долгая, гражданская и настоящая.

Глеб мотает головой.

Сглатывает.

– Вот так вот, значит, – тянет, – говоришь.

Я – только киваю.

Глебушка отбирает у Славки бутылку и начинает решительно разливать по следующему «дозняку».

– Нас, – даже не спрашивает, утверждает фактически, – естественно, тоже коснется?

Тут даже Славян фыркает.

– Нет, – кривится, – блядь. Нам дадут в стороне постоять. Ага...

Смеемся.

Негромко и не очень весело.

Но – смеемся.

А что нам, плакать, простите, что ли?!

Лучше уж – если так.

Глава 6

...Проснулся я оттого, что мы где-то стояли, сильно храпел Славка и слегка побаливала голова.

Натянул шорты, футболку, взял сигареты, вытолкал тело в коридор.

Глянул сначала в окно, потом на часы, прикинул.

Так.

Пять минут десятого.

Значит, Питер.

Ладожский вокзал, если мне склероз, конечно, не изменяет.

На перрон, что ли, выйти?!

Подошел к висящему на стене между двух вагонных окошек расписанию, еще раз сверился с часами: да нет, нет никакого смысла, через пять минут уже отправляемся. Лучше спокойно в тамбуре покурить.

... Пока курил в опять одиноком тамбуре, – смотрел в окно и ломал глаза о нудный питерский дождь.

Удивительный город, думаю, все-таки.

Абсолютно не вписанный в ландшафт.

И, более того, этому унылому ландшафту – какой-то совершенно чужеродный, что ли. Такое ощущение, что его тут просто не должно быть.

В принципе.

А он – есть.

И даже люди живут.

.Затушил окуроч, выкинул, сплюнул туда же, в пепельницу, доплелся до купе, сделал длинный глоток из стоящей на столике полупустой бутылки ирландского виски (ничего себе, мы вчера, оказывается, еще и до виски добрались!) и снова завалился спать.

За тонкой стенкой в соседнем купе шумели и что-то двигали: видимо, кого-то в Питере подселили.

На этом, собственно говоря, и заснул...

...В следующий раз меня разбудил уже проснувшийся и даже умытый Славка.

– Вставай, – говорит, – Валерьяныч. Одиннадцать уже, к Волховстрою потихоньку подъезжаем. Надо бы выползти, пива купить. Холодненького, там бабки носят. А то башка что-то раскалывается, как ненормальная.

.Усадил себя вертикально, с трудом разлепил глаза.

– А этот что? – киваю на распростертое тело Глеба.

– Мертвый, – морщится Славян. – Даже попробовать поднимать не буду. А ты хоть покуришь заодно.

– Я, между прочим, все слышу, – неожиданно говорит распростертое тело. – Но вставать реально отказываюсь, пока вы пива не принесете. На меня, кстати, бутылки, минимум, три. А лучше четыре. И окушков пару сушеных у старушек, кстати, купите. Тогда, наверное, – поднимусь.

. На перрон Волховстрою мы со Славкой выпрыгивали едва ли не первыми.

Люблю, кстати, Север.

Чистенько здесь все, аккуратненько, не то, что на Юге.

И воздух совсем другой: свежий, смолистый, несмотря на вполне себе ощущаемые «элементы промышленного пейзажа».

Впрочем, – я все равно тут же закурил.

.Славян, стуча и быстро перебирая копытами, тут же умчался куда-то вдаль в поисках холодного пива, а я, напротив, начал неспешно прогуливаться среди немедленно заполнивших перрон лоточников с копчеными сигадами, угрями и отчего-то водящимся исключительно на Дальнем Востоке терпугом.

Рыба, честно говоря, большого доверия не вызывала.

Явно коптили «жидким дымом», причем в промышленных количествах, а это, что называется, – от греха.

Наконец приглядел скромно стоящего в стороне слегка помятого мужичонку с вязкой сушеных окуней.

– Что, – спрашиваю, – отец? Ломает?

Его аж передернуло.

– Да перебрали, – морщится, – вчера с зятем на ры-баловке. Вот, думаю, продать что-нибудь да подлечиться...

Тут как раз кстати и Славян назад прискакал с двумя тяжеленными пакетами.

– Во, – хвастается, – «Жигули» разливные надыбал. И холодненькое.

.Глаза у мужичонки загорелись волчьим огнем.

Пожалел дядьку, сунул ему бутылку.

– На, – говорю. – Лечись. Рыбу-то за сколько отдашь?

Он аж чуть не прослезился.

– Ну, мужики, – качает головой. – Вот сразу людей правильных видать. Вот прям бесплатно бы отдал, если б зятек за вокзалом не мучился. Он у меня с армии недавно пришел, молодой еще, стесняется идти торговать.

– Пятсот, – спрашиваю, – за всю вязанку хватит?

– Да ты чё! – вздрагивает. – Я тебе и за триста отдам! Нам только подлечиться.

.Хмыкнул, сунул ему пятисотрублевую купюру, выхватил окуней и – вместе со Славкой галопом к вагону: поезд, по моим расчетам, уже через пару минут должен был отправляться.

Слава Богу, кажется, пока успеваем.

.Славян сразу помчался в купе, я же притормозил рядом со скучающей разбитной проводницей:

– Пару затяжек, – спрашиваю, – еще успеваю?

– Да дыми, – машет рукой. – Вон, видишь, красный пока горит. Случилось у них там впереди что-то, еще минут пять-десять дополнительных простои, передали. Ничо, нагоним потом.

Отдышался, полез в барсетку за сигаретами.

В принципе, конечно, можно сказать, – повезло...

... Домой, думаю, что ли, тогда позвонить, пока на станции мобильный работает?

Отошел немного в сторонку, достал телефон, набрал номер.

Жена откликнулась сразу.

– Что, – спрашивает, – алкаши? Проснулись?!

– Угу, – хмыкаю. – На Волховстрое стоим. Пиво покупаем.

– Вы там смотрите, – беспокоится, – не перебирайте.

Я вздыхаю.

– Да ладно, – говорю, – Инг. Взрослые уже мальчишки. Разберемся. Ты мне лучше скажи, как там вы с котами? Не скучаете?

Инга фыркает в трубку так, что я ее аж подальше от уха убираю.

Чисто на всякий случай:

– Я еще не успела, – смеется. – А коты так вообще еще дрыхнут, не просыпаясь. Кот в твоём кабинете, на подоконнике, на солнце. А девочка тут у меня, в гостиной, на подушке

устроилась. Даже не обращает внимания на рёв моторов: я тут квалификацию «Формулы-1» пересматриваю, в редакции попросили материал написать.

– Ну и ладненько, – вздыхаю во второй раз. – У нас тоже все хорошо. Я, кстати, побегу, наверное, а то поезд скоро отправляется.

– Давай, – фыркает. – Вали. Вечером мне откуда-нибудь из Медвежьегорска набери. А то потом у вас опять связи неделю не будет. Чмоки.

И – отключается.

Вот, блин, на фиг, думаю, и поговорили.

Покачал головой, поискал глазами урну на перроне.

Не нашел.

Плюнул, отщелкнул окурок на пути и, подмигнув проводнице, не торопясь было собрался полезть обратно в вагон.

Ладно, думаю.

Проехали...

...Фактически у входа в тамбур курил тонкую коричневую сигарету такой красавец, что я чуть не поперхнулся.

Высокий, худощавый, мужественно-светловолосый, с щеголеватой бородкой, в очках с тонкой металлической оправой, в высоких замшевых песчаного цвета бер-цах и защитного цвета гортексовской бандане, повязанной на манер шейного платка. Я как-то в своих драных джинсовых шортах и шлепанцах на босу, естественно, ногу даже почувствовал себя как бы немного бедным родственником.

А ведь – тоже рыбак, наверное, думаю.

Вон как роскошно бандану-то повязал.

Как в кино.

Но больше всего, признаюсь, восхитили именно бер-цы: это как же надо себя любить, чтобы зашнуровывать эту красоту всего лишь для того, чтобы пять минут неспешно покурить на перроне?!

Нда...

. В свободной от пижонской сигареты руке красавец небрежно держал небольшой лоточек со свежеприобретенными золотистыми копчеными сигадами. На неискушенный нюх пахли они обалденно, конечно, даже характерный чуть кисловатый аромат «жидкого дыма» как-то не очень ощущался.

– Что, – хмыкает, кивая на связку моих сушеных окуней, – ничего попрличнее не нашли, или денег не хватило?

Я нервно сглотнул.

Вот ведь мать.

. Чуть отодвинул красавца плечом, грузно полез мимо него и проводника в тамбур.

– Сортир, – оборачиваюсь, – в конце вагона, по коридору. В этих новых поездах от РЖД они достаточно чистые. Только чересчур долго не занимайте, вы тут, знаете ли, не один...

...В купе уже вовсю радовались жизни и пили пиво.

Не торопясь и с подобающим случаю наслаждением.

Я бросил связку окунишек на столик, сгреб с него запотевшую бутылку, прижал ее сначала к разгоряченному лбу, потом молниеносно вскрыл при помощи зажигалки и, естественно, – присоединился.

– Валерьяныч, – укоризненно тянет Глебушка. – Вон, на столе ножик швейцарский лежит. А из него торчит разложенная открывалка. Ну и зачем?

– Извини, – отрываюсь от горлышка. – Не разглядел.

. Мимо купе тем временем продефилировал недавний красавец, распространяя вокруг ароматы копчения, и скрылся, судя по всему, в соседнем с нашим купе.

Так вот кто, думаю, мне утром под Питером заснуть-то не давал.

Неудивительно, в общем-то.

Глеб тоже проследил за его удаляющимися замшевыми берцами, задумчиво покачал головой и покрутил пальцем у виска.

– Питер, – жму плечами, – похоже. А это не всегда только город, это – иногда еще и диагноз.

Славка неприлично заржал.

Ну, да и Бог с ними со всеми, в принципе.

Со всеми.

Я сделал еще глоток.

– А не усугубить ли нам, братия? – интересуюсь. – Я здесь с утра где-то виски видел ирландский. А вот как вечером его пили, что-то и не помню ни фи́га.

Глава 7

... Вот почему так получается, что по дороге на рыбалку мы всегда пьем?!

Ведь взрослые, самодостаточные люди.

Вполне себе, кстати, даже и успешные.

А иной раз, – ну, прям как дети малые.

Колеса – стук.

Рюмка – звяк.

Водка – бульк.

Да.

... Пиво быстро наскучило, и разговор пошел, как водится, философский.

У людей, живущих в плотном информационном потоке, вообще, как я все чаще замечаю, не остается толком и тем-то, чтобы вот так вот неспешно поговорить о чем-нибудь общем и бесконфликтном.

Рыбалкой это, в принципе, лечится.

Но не на первый день.

. Увы.

Я вот раньше всегда недоумевал: что заставляет умных, мыслящих людей торчать днями жопой, простите, в небеса на приусадебных участках. А недавно неожиданно поймал себя на мысли, что получаю удовольствие, поливая на даче посаженные в прошлом году там яблони и черешню.

Поэтому тут, думаю, дело, конечно, не в каком-то стремлении «опроститься», а просто – есть все-таки что-то такое глубоко неправильное в городах.

Еще раз: рыбалка это, в принципе, лечит.

Может, поэтому и ездим на нее, как только есть такая возможность.

Но пока – ладно.

Пока еще можно немного и поговорить...

– А еще у нас на нашем оренбургском заводе недавно смешная история была, – продолжает тем временем Глеба. – Главный инженер, понимаешь, на своих сослуживцев обиделся. Воруя, видишь ли, не по чину. Ну, нас и отправили туда с аудиторской проверкой.

.Колеса – стук.

Рюмка – звяк.

Водка – бульк.

И только чайная ложка в тонком стакане с подстаканником дребезжит как-то совсем даже и не по делу.

– Пойду-ка я, – вставая, хлопаю себя по карманам, потом-таки обнаруживаю сигареты на столике, – покурю.

– Ты же только что дымил, Валерьяныч, – отвлекается на секунду от глебушкиной истории Славка. – Хорош здоровью вредить.

Я вздыхаю.

– Так ведь хочется, Слав.

Он на секунду задумывается.

– Аргумент.

.За окном тамбура был дождь.

Мелкий.

Летний.

И – лес.

Низкое небо царапали пронсящие вершушки сосен, бежали мимо бесчисленные речки, речушки, ручейки.

Карелия.

Уже Карелия.

Бог ты мой.

.Докурил, вернулся в купе.

Там по-прежнему спорили и выпивали.

Все как всегда.

– А мы, – говорю, – кажется, уже в Карелию въехали...

– Ну да, – смотрит на часы Славка. – Жди. В Карелию. Мы еще даже до Лодейного Поля не добрались, так что пока по Ленинградской области шпарим. Или Санкт-Петербургской теперь?! Хрен их, простите, разберет.

Жую губами.

Прикидываю.

– Успокойся, – говорю. – Ленинградской пока еще. Хотя, конечно, если честно, то и вправду, дурдом.

– А Карелия когда начнется, – неожиданно влезает Глеб, – перед Свирью?

Славян отрицательно качает головой.

– Не-а. Свирь тоже еще Петербургская. Тьфу, Ленинградская, конечно. А вот после нее уже сама Карелия и начинается. Ох, как же там хорошо.

Согласен, думаю.

Хорошо.

Да и сам ты, Славка, – парень, в общем-то, неплохой.

– Наливай, – говорю, – географ. Выпьем за твои познания.

– Да я, – смущается, – честно говоря, перед поездкой специально карту смотрел. Просто интересно было.

– Ты не рассуждай, а исполняй, что тебе говорят старшие товарищи, – Глеб лезет в походный холодильник с продуктами, – я пока закуску организую. Допустим, порежу языка. Домашний, сам варил. А ты давай, наливай-наливай.

.С очередной рюмкой пришлось, правда, повременить.

Ждать.

Пока Глеб аккуратно выкладывал отварной язык из фольги, пока резал ломтиками черный хлеб и соленый огурец.

Пока вываливал на отдельное пластиковое блюдо одинаковыми горками злой белый хрен и густую деревенскую горчицу.

Пока вскрывал небольшие пластиковые контейнеры с тертыми, с чесночком, свеклой и морковью, заправленными сыром и майонезом.

Чуть водка не остыла, а мы со Славяном слюной предательской не изошли.

Но зато потом...

– Ну, – говорю, – парни. За Север! Разное тут у нас с вами бывало, конечно, но хорошего все-таки больше. Много больше! За новую встречу с ним и за то, что ее-таки не удалось избежать. Прозит!

Выпили.

Закусили тающим во рту языком со злым, острым хреном.

Полюбовались на проплывающие за окном тоскливые и дождливые северные пейзажи.

И что же нас так сюда, в эту нелюдимую хмарь? так тянет-то все-таки, думаю?!

Ну, ведь не тропики вообще ни разу.

Не устремленные в поднебесье Альпы, с их звонкими ручьями, в которых мы как-то года три назад ловили той же компанией пятнистую осторожную форель.

Просто – Север.

Каменистый.

Чаще унылый, чем радостный.

С комарами, гнусом, редким на топких Кольских болотах лесом и злыми худыми медведями.

А ведь не поедешь – год потом будешь переживать.

Лицензионная семужья рыбалка в этих местах – короткая.

Можно и не успеть.

Нда...

– Валерьяныч, – хрустит зеленым луком Глеба, – а ты, кстати, как, в этом году нахлыст опробовать не решил?

Я жму плечами.

– Да черт его знает, – морщусь, – взял на всякий случай двуручник. И набор мух купил. Съездил перед этим, опробовал его на прудах, на форели. Вроде бросок нормальный идет. Дальше надо на речке тренироваться уже. Но тут как пойдет, если на блесну будет хорошо ловиться, то даже и не знаю. А если нет – буду, конечно, пробовать...

Глеб согласно кивает.

– Я тоже, – соглашается, – двуручник взял с собой на всякий случай.

Я фыркаю.

– Ты, – прошу, – уж не путай. Ты все-таки более-менее опытный нахлыстовик. И я, убежденный спиннин-гуй, а нахлыстовик чуть ли не первогодок.

Ларин философски улыбается.

– Все мы когда-то что-то начинали. Спиннингист ты, конечно, очень сильный, тут я не спорю. Но нахлыст – это, брат, все-таки высший пилотаж.

Я соглашаюсь и киваю Славяну на пустые рюмки, чтобы не отвлекался и разливал.

А то разучится еще, понимаешь.

.Через некоторое время разговор закрутился вокруг приманок.

Глеба у нас, понятное дело, предпочитает мух.

Ну, а поскольку руки у него из какого надо места растут, – делает их сам. У него в доме, – а он у нас за городом жить предпочитает, – целая мастерская оборудована.

Славка, хоть и тоже предпочел бы жить за городом, вынужден жить в Москве.

И не то чтобы тут вопрос денег, славянова квартира, думается мне, подороже глебушкиного дома стоит. Просто образ жизни такой: Славка вообще, несмотря на происхождение и всю, даже чуть показушную, тягу к деревенскому, – самый, наверное, городской из нас всех человек.

Он постоянно чуть настороже.

Ему всегда очень важно, что о нем подумают и какого мнения о его нескромной персоне будут окружающие.

Ловить он предпочитает на тяжелые блесны и джиг и обладает страшным, нечеловеческим терпением, часами впустую «обстреливая» с мощной палки тяжелое тело реки джиг-головками в ожидании пятнадцатиминутного выхода судака.

Ловит он при этом, надо отдать должное, очень и очень здорово. Возможно даже, хоть и тяжело в этом признаться, лучше, чем мы все вместе взятые.

Я же – на удивление всеяден.

У меня есть и квартира, и дом в ближнем Подмоскovie, и жить мне нравится почти одинаково и там, и там.

Мне одинаково нравится тяжелый джиг и работа деликатными палками.

Вон даже нахлыст начал осваивать, на старости-то лет, блин...

– Может, – поднимаюсь, – парни, я пойду, чайку закажу? А вы тут приберетесь пока. Хорош уже язык глебушкин водкой-то запивать, скоро все купе хреном с чесноком провоняет. А если кто хочет чем еще кроме чая продолжить, то вон, у меня в сумке сверху еще две бутылки вполне пристойного вискаря. Односолодовый, кстати. И торфяной.

Глеб смотрит на меня почти с восхищением и тянет большой палец вверх.

– Во, – кивает. – Ну, что тут еще-то можно сказать?! Мужик!

Глава 8

... На подъезде к Свири дождик неожиданно закончился, и купе залило солнцем. На перроне, когда мы туда наконец-то вылезли, тоже было солнечно, но все-таки довольно ощутимо прохладно.

Дул легкий ветерок.

Славка и Глеб, как только вышли, сразу же, как на пожар, схватились за мобильные телефоны.

Я немного подумал и тоже набрал жену.

– Что, – интересуется, – неужели уже в Петрозаводске?

– Да нет, – смеюсь. – Просто Свирь, стоим здесь долго. Вот, вышел на перрон покурить, решил набрать.

– Делать тебе, – хмыкает, – нечего.

– Нечего, – соглашаюсь.

– Ну да, – вздыхает. – Ты же в поезде едешь. А я сижу, статью заканчиваю. Потом еще к ней фотографии отбирать.

– Понятно, – вздыхаю в ответ. – Все-таки два журналога в одной семье – это некоторый, так сказать, перебор.

– Не лести себе, – ехидничает. – Ты уже давно не журналога. Ты – лицо из телевизора. И интервью ты, кстати, уже давно не берешь, а даешь.

Я сглатываю.

– Проехали, – говорю, – любимая.

Она на секунду замолкает.

– Да, – сглатывает в ответ. – Извини.

Некоторое время молчим.

– Ладно, – вздыхаю. – Я же говорю, проехали...

Она вздыхает в ответ.

– Нет, я все понимаю. – Я прямо вижу, как красиво она кривит губы в телефонную трубку. – И что так надо. И что деньги из воздуха не берутся. И что мужик не может вечно быть даже очень удачливым шелкопером. И то, что ты по-прежнему отлично пишешь. Но в редакции ты, по-моему, был куда более счастливым человеком. Потом этот чертов бизнес. Про твои сегодняшние дела я и не говорю.

Я чувствую, что еще немного, и она расплачется.

Вот ведь черт.

– Ингусь, – хмыкаю, – ты, по-моему, больше меня по этому поводу переживаешь. Береги себя. Главным для меня все равно было книжки писать, а не статьи. А этого у меня никакого моего нынешнее место работы не отберет.

Она, кажется, немножко успокаивается.

– Книжки, – тянет. – Книжки – это да, это хорошо. Ты когда в последний раз текст-то в издательство сдавал?

– А вот это – не надо, – смеюсь. – Это в данном случае не главное. Я и сейчас с текстом ковыряюсь с новым, где-то как раз на середине. Да, идет туговато. Но – идет.

– Ну, и слава Богу, – вздыхает. – Ладно. У меня все в порядке, у котов тоже. У тебя, судя по всему, аналогично. Поэтому я пошла работать дальше. А ты иди дальше бухай, пока такая возможность есть и меня нет рядом.

– Это, – соглашаюсь, – одно из редких преимуществ твоего отсутствия, да. Пойду воспользуюсь.

– Пока, – смеется.

– И тебе, – ухмыляюсь, – тоже, пожалуй, не хворать.

.Вот ведь, думаю, блин.

Ну, да ладно.

Жизнь...

...Поискал глазами бабульку на перроне, что-то неожиданно и дико захотелось местных пирожков с рыбой.

И – ни одной.

Пришлось направиться к проводнице, уже другой, не той разбитной красотке с двумя золотыми фиксами. Та, видимо, спать ушла, благополучно сдав смену вот этой вот немного сутулой тетеньке с поникшей фигурой и неисправимой усталостью в самых уголках глаз.

– Здравствуйте, – говорю, – я из вашего вагона пассажир, из шестого купе.

Она только кивает.

Знаю, мол.

Звуков издавать даже не удосуживается.

– Мы тут, – начинаю объяснять, – с товарищами каждый год на рыбалку ездим. Если получается, то вообще по два раза в год. И всегда покупали тут, в Свири, у бабушек пирожки с рыбой, уж очень они тут у них вкусные. А сейчас гляжу – что-то и нет никого.

Она снова кивает, поднимает на меня усталые и, когда-то, судя по всему, очень красивые глаза.

Наконец, заговаривает:

– Так гонять их стали. Сами раньше у них всегда затоваривались.

– А что так? – удивляюсь. – Эти-то кому помешать могли?!

Она только хмыкает:

– Так приказ. О запрете торговли на перронах. По всей России сейчас так будет.

– О как! – удивляюсь еще больше. – А что тогда мужиков на Лодейном Поле с их палеными сигами не гоняют?!

– Так им заплатить есть чем, – хмыкает еще раз.

Потом задумывается:

– Или начальник вокзала там не такой зверь.

Я только вздыхаю.

– Жалко, – говорю. И снова лезу в карман за сигаретами.

Она опять пожимает сутулыми плечами, и в этом пожатии – такая русская покорность судьбе, что мне даже как-то отчего-то становится стыдно, и я отхожу, как можно более деликатно прикуривая...

– Извините, – неожиданно слышу у себя за спиной.

И голос неожиданно как раз такой.

Извиняющийся.

Как и сами слова.

Хотя, в принципе, вроде как и мужской.

Я поворачиваюсь.

Дядька.

Где-то моего возраста.

Может, чуть помоложе: мне, если я не с бодуна, несмотря на определенную грузность фигуры, никто не дает моего почти что полтинника, все считают «мужчиной под сорок» в худшем для меня случае.

А вот похмелье – да, выдает.

Ну, да не в этом дело, – дядька, в принципе, как дядька: бесцветный, в джинсах и фирменной «шимановской» рыбацкой ветровке, с острым носом, давно наметившимся брюшком и серыми водянистыми глазами.

И к бабке не надо ходить, что из славного города Санкт-Петербурга.

Их типаж.

– Слушаю вас, – говорю. – Чем-то могу помочь?

Мужик мнетя.

Ну, да мне, в общем-то, пофиг.

Мне торопиться некуда.

Стою.

Курю.

Жду.

– Видите ли, – рожает, наконец, – вы только что уж очень нелицеприятно высказались про копченую рыбу с Лодейного Поля. Вы уж простите, я невольно подслушал.

– Да делов-то, – хмыкаю. – Если б я от кого скрывался, то это другое дело. А так-то что. Слушайте на здоровье.

– Да нет, вы меня не так поняли, – улыбается уголком рта.

Ага, думаю.

Нет.

Я тебя именно что правильно и понял.

У тебя – свои профессиональные привычки.

У меня – свои...

– Я ваш сосед, мы в соседних купе едем. И вот поэтому меня так ваша реплика о копченой рыбе с Лодейного Поля и заинтересовала. У меня просто товарищ там целый лоток закупил, но мы их еще не начинали.

Я ухмыляюсь.

– Товарищ, – спрашиваю, – высокий такой, в желтых берцах и синем шейном платке?! Так я ему еще сразу после покупки адрес туалета подсказал. Так что, если еще не ели – это хорошо. Травануться, может, и не тра-ванетесь, но если желудки нежные, городские, то некий дискомфорт гарантирую. И дело тут даже не столько в «жидком дыме». Рыбу-то чер-те откуда везли, и чер-те как она хранилась перед горячим копчением. А копчение все-таки достаточной термической обработки, знаете ли, не дает.

– Но он же сказал, что у местных брал, – говорит растерянно.

Я всхлываю.

– Местный, – говорю, – знаете ли, местному рознь. Там несколько больших фабричных коптилен или одна, но очень большая: хрен его знает, если честно. Но то, что рыба коптилась именно фабричным способом, причем самым варварским, с «жидким дымом», это – несомненно. Для опытного человека, по крайней мере. А этот «дым», знаете, чем в первую очередь плох?! Тем, что наглухо перебивает все запахи, в том числе и если рыба «с душком». А как она не будет с душком, если того же терпуга аж с Камчатки сюда везут?! Он вообще-то только на Дальнем Востоке водится. И как сюда попадает, логистику сами себе представить можете, наверное. И угрей здесь нет, они водятся южнее. Большое производство, короче. А «местные», которые по перрону бегают – это всего-навсего реализаторы. Причем, я так подозреваю, реализаторы в том числе и «брака», и «левака»: документы-то у них никто не спрашивает, и сан-контроля никакого. Так что эти дяди – это не бабушки с пирожками. Ну, – совсем...

Он аж побледнел.

– Там же, – взмахивает руками, – сейчас Алёна может проснуться! А она копчения очень любит. Побегу выкину, если успею. А если не успею, то так хотя бы предупрежу.

... Глядя ему в спину, я не то чтобы не завидовал этой Алёне.

Скорее сочувствовал.

Когда матерый дядька, да к тому же еще, весьма похоже, отягощенный достаточно специфической профессией, с таким жаром принимается о ком-то заботиться – тут жди беды. Причем, беды фактически неминуемой.

Я докурил сигарету, сплюнул в сторону урны, порадовался, что попал, и медленно побрел к тамбуру.

Скоро уже отправляться будем.

Пора...

Глава 9

... Прошел по узкому вагонному коридору, поминутно извиняясь перед отключившимися задницы попутчиками, заглянул в пустое купе. Мужики еще где-то слонялись по перрону.

Вышел в коридор, выглянул в окошко: точно, вон они, красавцы, – один по телефону разговаривает, другой в киоске что-то покупает.

И, готов спорить, что это – мороженое.

Или еще какие ватрушки.

Глеба и сладости – это вообще отдельная тема.

Он как-то у меня на дне рождения, к радости уж и не знавшей, как от него избавиться, жены, фактически в одиночку расправился с огромным подарочным тортом: и это после пары мисок ухи и хорошей порции шашлыка. Я, кстати, вообще последнее время день рождения, а он у меня зимой, предпочитаю за городом встречать, на даче: мужики у мангала кучкуются, под водочку, а девчонки у камина.

И всем хорошо.

Но Глебушка тогда – реально отличился, жена до сих пор восхищается.

Красавец.

– Извините, разрешите пройти, – снова слышу уже знакомый, слегка скрипучий голосок своего вокзального знакомого.

Ну да.

Вот всегда так: сначала, протискиваясь, возмущаешься отключенными задницами.

А потом доходишь до места – и немедленно отключиваешь свою.

Нехорошо.

– Это вы меня извините, – отступаю обратно в купе. – Проходите, пожалуйста.

Он вздыхает.

– Не проснулась пока, слава Богу, – вздыхает неожиданно, чуть ли не на правах старого знакомого. – Алёна, в смысле, не проснулась. Успел выкинуть. Спасибо, что предупредили. А Геннадия, сейчас вернется, я задницу-то надеру.

Так, думаю.

Понятно.

Пижона зовут Геннадий.

Совершенно избыточная, конечно, на мой взгляд, информация.

– А вы, видимо, тоже на рыбалку едете, – спрашиваю, чисто из вежливости, чтобы подержать разговор.

Куда они там и с кем едут, мне, разумеется, в принципе, по барабану.

И это еще очень мягко сказано.

Но он неожиданно радуется вопросу, как дитя конфете «Мишка на севере».

Ой, блин...

.. Хорошая же у них там компания, если мужику и поговорить толком не с кем.

Дела...

– На рыбалку, – несколько раз мелко-мелко и немного суетливо кивает, – да. На семгу. Хариуса я уже как-то пару раз в Карелии ловил, приходилось. Однажды даже кумжу поймал! А вот за семгой впервые еду.

– Понятно, – киваю в ответ. – А берег какой? Белое, Баренцуха?

– Что-что, простите? – пугается. – Мы на речку едем, на Варзугу. Точнее, на один из ее притоков.

Я вздыхаю.

– Я имел в виду, какой берег Кольского полуострова, – говорю. – И в какое море речка ваша впадает. Ну, так-то понятно, что Варзуга – это южный берег, побережье Белого моря, Терской район. Мы, в общем-то, тоже в те места. В Кандалакше выгружаемся. И до Умбы.

– И мы тоже в Кандалакше выходим, – радуется. – Но в Умбе останавливаться не будем, дальше поедem.

Я фыркаю.

– Ну, – смеюсь, – мы тоже в самой Умбе блесны полоскать не собираемся, там уже давно все убито, хоть и места, конечно, живописные. Нет, поймать-то там рыбу при определенной терпеливости и нормальном уровне мастерства можно, вполне. Только на фига?! Такой интенсивности рыбалку я себе могу и где в Подмоскoвье организовать, хоть и не на семгу, конечно...

– А где ловить собираетесь? – интересуется.

– Да там же, – киваю, – на притоках Варзуги. Если конкретно, то на Инделе лагерем стоять будем. Но и на Пану заедем, разумеется. Спортивную лицензию на «поймал – отпустил» я на всякий случай на обе речки заказал. И на «изъятие», кстати, тоже. Мало ли что.

– Вот как здорово! – радуется. – Мы тоже именно в те края.

Потом неожиданно замечает, что по коридору от тамбура начинает пробираться все тот же пижонистый Геннадий, и хищно прищуривается:

– Вы меня извините, – скалится недобро. – Мы с вами попозже еще обязательно поговорим. А пока у меня сейчас будет разговор чуть менее приятный, но, увы, чуть более обязательный. Ну, напросился человек.

– Понимание, – киваю. – Я бы, наверное, тоже так вопрос бы решал.

Он вздыхает.

– Да уж, – фыркает. – Особенно если учесть, что вы этого придурка предупреждали. А я-то все думаю, на кого он жаловался, что ему «сосед нахамил». Спасибо вам, кстати. Меня вообще-то Олег зовут.

– Валера, – протягиваю ему ладонь. – Ну, да ладно, идите, разбирайтесь. Позже пообщаемся...

.. Тут и мои придурки как раз очень вовремя подкатили.

Глебушка, естественно, с громадным пакетом мороженого, которое тут же и начал мне предлагать, даже, можно сказать, навязывать. Я, впрочем, на эту тему особо не заморачивался: то, что мы со Славяном не «поможем», эта сволочь, в общем-то, и в одиночку осилит без проблем, я уже рассказывал.

Делов-то.

Поэтому поковырялся в его пакете, покачал отрицательно головой и с удовольствием налил себе в вымытый стакан из-под чая еще на два пальца доброго торфяного виски, из того запаса, которым мы до прибытия в этот славный город Свирь самым что ни на есть решительным образом развлекались.

Впрочем, – какой уж тут на фиг «город».

Так, городишко.

Хотя название, конечно, – есть в нем что-то такое, очень правильное.

Плохое место таким красивым именем не назовут.

.Славка немного подумал, к кому из нас с Глебушкой присоединиться, и присоединился именно ко мне. Да и сам Глеб жестами, ибо рот был занят мороженым, показал, чтобы ему тоже набулькали.

Поезд, кстати, тронулся как раз в тот момент, когда мы сдвинули стаканы, и я увидел в этом какой-то определенный символизм.

.Славка проглотил налитое первым.

Одним большим, красивым глотком.

Скривился.

Потом выдохнул с удовольствием.

– Что, кстати, за черт тут с тобой ласы в коридоре точил?! – интересуется.

Я только плечами пожал.

– Да так, – говорю. – Мужик какой-то. Тоже, кстати, на рыбалку едут. И, похоже, тоже на Индель.

Славка морщится.

– Не приведи Господь, – делает длинный глоток минералки, прямо из горлышка, – с нами, в санькин лагерь. Он как раз говорил, что с нами на поезде еще какие-то попутчики из Питера прибывают. А мне его рожа протокольная что-то как-то сразу не глянулась. Нет, я, так-то, ничего против органов не имею. Просто урод какой-то. И все.

Я медленно киваю.

– Да нравится там и вправду нечему, – говорю. – Там прямо на лбу большими печатными буквами написано «контора». Причем, не с земли, а со штанами, протертыми сидением в кабинетном кресле. Я их брата нижним чутьем чую, крови они у меня в свое время попили мама не горюй. Все приручить хотели, пока старшие товарищи не прикрикнули. Но хочу тебя расстроить, – они именно из Питера. Так что возможно все...

Глеб тоскливо вздыхает.

– Опять, что ли, морды будем бить, Валерьяныч?

– А вот этого, – хмыкаю, – как раз ни в коем случае не советую. Не тот типаж. Ну, если только уж совсем, сука, прижмет. Так-то потом отмажемся, конечно. Но будет неприятно, это я уж совершенно точно гарантирую.

Негромко и невесело смеемся.

Потом Славка с каким-то неожиданным, почти детским тоскливым всхлипом вздыхает. Смотрит в окно на проплывающие все быстрее и быстрее лесные опушки.

– Может, – говорит с надеждой, – все-таки пронесет.

... Разумеется, – не пронесло.

Ну вот, как чувствовал.

Идиотизм.

Лузер-шоу как оно есть.

Вся эта троица: «гебешник», пижон Геннадий и пока еще неведомая Алёна, как выяснилось уже в Петрозаводске, ехали именно с нами.

И – более того.

Саня, наш «встречающий», или, как мы его называем, «егерь-распорядитель», директор небольшой местной туристической фирмы, их еще и в нашу группу включил: но это выяснилось уже позднее, по прибытии в саму Кандалакшу. Когда нам всем это сам Саня, сразу же по прибытии, радостно и объяснил: за них, за этих ребят, оказывается, просил какой-то его старый знакомый рыбак. Разумеется, все из того же самого славного города на Неве.

Вечно, кстати, от этих питерских одни исключительные неприятности...

... Я это по работе знаю.

Ага.

Но это, повторюсь, – только в Кандалакше проясилось.

А так, в Петрозаводске – только поморщились слегка.

Ну, бывает.

. А заодно сразу же после Петрозаводска выяснилось, кто такая «спящая Алёна».

И вот тогда-то во всей этой нашей истории и началось самое интересное.

Да.

Глава 10

...Я, на самом деле, всегда вот боялся именно таких теток: им, фактически, невозможно ни в чем отказать.

Понимаешь ведь, что глупость, но стоит девушке тупо поджать губки, как ты уже, стуча копытами и высунув язык, мчишься исполнять ее еще даже и не высказанное желание. При этом прекрасно понимая, что делаешь глупость, и в награду тебе за этот подвиг не то чтобы ничего не будет, но ничего даже и не обещано.

Нет, у меня-то еще кое-какое противоядие от этой беды имеется: я уже скоро как двадцать пять лет имею глупость любить свою собственную жену. Вот уж, кстати, в свое время не думал, что так будет: бабником был таким, что аж страшно вспомнить.

А тут как-то все само собой закончилось и прекратилось.

И нельзя уж так и сказать, что в наших с ней отношениях с самого начала было чересчур много физиологии или для Инги было очень уж так сильно важно, чтобы я налево не ходил: хотя черт ее знает, что для нее важно, а что нет. Столько лет уже живем вместе, а все равно так и не разобрался.

Просто так само получилось, и все.

Но вот именно вот таких барышень – все равно боюсь. Хотя бы просто потому, что их по-любому следует опасаться.

Порода такая.

Поэтому, как только из вагона появилось, в сопровождении своих кавалеров, разумеется, это заспанное чудо – мне сразу же захотелось куда-нибудь немедленно скрыться, ибо при первом же взгляде на оное сразу читались все грядущие неприятности.

Шатенка, разумеется.

Нет, не рыжая и не русая.

Каштановая.

Причем с самого первого взгляда понятно, что не крашенная, а природная: краска таким барышням, собственно говоря, и на фиг даром не нужна.

Овальное лицо.

Нежная кожа там, где надо, слегка тронута загаром и, разумеется, веснушками.

Пухлые губы.

Небольшой вздернутый нос, наглые зеленоватые глаза, легкий шрам над левой темно-каштановой бровью ничего не портит, а только добавляет шарма и очарования.

Почти идеальная фигурка с чуть излишне длинноватыми ногами, затянутыми в синие джинсы.

Легкая штормовка не скрывает узкую талию.

Блузка на груди чуть не лопается от переполняющего ее содержимого.

А ведь так хорошо ехали.

Пропал дом...

Глава 11

... Ну, а если серьезно, то я быстренько докурил и ушел в купе.

От греха, что называется, и от соблазна.

Благо, в Петрозаводске был достаточно сильный сигнал на сотовом. И, соответственно, Интернет.

И, кстати, в районе вокзала, – вполне себе даже и неплохой, все «3G».

Вот туда-то, разумеется, и нырнул.

Быстренько проверил «мыло».

Убедился, что пока еще моим отсутствием никто, к счастью, по-настоящему и по-взрослому не беспокоился.

И – занырнул в Сеть.

Новости.

Новости, чтобы их черт побрал.

Информация.

Успеть.

Пока не тронулись, пока еще пока что стоим.

.Да.

В мире было неспокойно.

И слава Богу, а то бы я, наверное, удивился.

К уже становящимся привычными безобразиям на Ближнем и Среднем Востоке стремительно добавлялась еще недавно цветущая Украина.

Нет, понятно было, что по-другому, наверное, нельзя.

Мир вообще – мы что-то стали забывать такую простую истину, – это всего лишь краткий промежуток между двумя войнами.

Но – все равно – жаль...

...Надо, думаю, как тронемся и проводница в вагон вернется, чаю у нее попросить.

Хорош бухать.

К Кандалакше вообще стоит с ясной головой подъезжать, иначе тупо придется по-взрослому опохмеляться: дорога оттуда на Индель будет в любом случае непростая.

Сначала либо на микроавтобусе, либо на санечкиной «буханке» до старинной поморской Умбы.

Но это – так, цветочки.

А вот потом – пересаживаемся на «шестьдесят шестой».

И вот после этой самой пересадки как раз и начинается самое интересное.

... Первым в купе с перрона ввалился, разумеется, Славка.

Черт его знает почему, но у него это – заходить куда-то первым, даже и куда не звали – всегда очень хорошо получается.

Даже по морде как-то по этому животрепещущему поводу пару раз довольно прилично получал, но все равно так и не успокоился.

– Видел, – делает глаза еще круглее, чем они есть на самом деле, – какая тетка?! Я бы ей отдался. Вот даже и не сомневайся. Да офигеть!!!

Я вздыхаю.

– Видел, – отвечаю. – А ты точно на рыбалку собрался?!

Он хохочет.

– Что-то ты суров, – чешет затылок, – сегодня, Валерьяныч. Ща поезд тронется, пойду за чаем схожу. Тебе, кстати, принести?

Вздыхаю.

Выключаю планшет.

Откладываю.

В голове еще пока что мелькают обрывки новостей и зеленые глаза, длинные ноги и прочие прелести заспанной Алёны, проживающей, как выясняется, непосредственно в соседнем купе.

Через тонкую вагонную стенку.

Задумчиво смотрю в окно, потом не менее задумчиво киваю.

– Тащи, – соглашаюсь. – А мы скоро трогаемся-то?

Славка смотрит на часы.

– Да минуты, – фыркает, – через полторы.

– Ладно, – потягиваюсь, едва не зевая. – Я так и думал. Увлекся, бывает. Пойду тогда в тамбур покурю...

... В тамбур я зашел как раз, когда поезд тронулся, и за окном поплыли залитые солнцем и еще мокрые от дождя скучные домики Петрозаводска.

Где-то еще совсем недалеко, на границе зрения, тяжелые низкие тучи, кстати, так и продолжали прижимать крупными мохнатыми лапами дома и деревья, роняли дождь на асфальт и гладь Онежского озера.

Странный город, кстати.

Весьма.

Я его по молодости вообще очень любил, мотался сюда, иногда без всякой цели и без царя в голове.

Онега.

Кизи.

Помню, как ярко сверкал яростной грозной синевой Онего и как тревожно и стремительно летели облака над церковью Преображения Господня, когда я стремительно, одним днем и одной белой ночью, но очень и сильно, и взаимно, влюбился в эту безумную молоденькую художницу из Питера.

Как ее, кстати, звали?

Таня?

Яна?!

Да, какая, в принципе, разница: больше-то, после той матовой белой ночи, когда небо было молочно-белым, как больничный кафель или эмаль, и по нему все так же стремительно плыли странные, розово-фиолетовые, подсвеченные недалеко за горизонт закатившимся солнцем облака, – все равно так ни разу и не увиделись.

Мне и самому тогда, вообще-то, только-только двадцать один исполнился.

Плывать...

... Когда я вернулся в купе, Славка баюкал руку и что-то обиженно шипел в сторону, а Глеб рылся в своем аккуратном дорожном несессере и что-то там такое, видимо, очень и очень важное искал.

На столе стыли три кружки чая.

Так, думаю.

– Что случилось-то, комбатанты? – интересуюсь.

Славян морщится и демонстративно вздыхает:

– Да ерунда, Валерьяныч, – отворачивается. – Чай пока от проводницы нес, две кружки в левую руку взял, а одну в правую. Ну, неудачно перехватил, левую обжег, короче, пока до купе добежал.

Оцениваю обстановку.

– Ну, ты и муда-а-ак, – выдыхаю почти восхищенно. – А поставить эти чашки куда-нибудь нельзя было?! Чтобы перехватить поудобнее?! Да хоть на пол! Или просто вышвырнуть их на хер, зачем руку-то жечь?!

Славка даже морщиться перестал:

– Как это «вышвырнуть»?! – делает круглые глаза. – Я же их вам нес! У нас дед был один, в Саратове, в детстве, шахматист. Так он всегда говорил: взялся – ходи. Начал – доводи до конца. «Вышвырни». Ну, ни хрена же себе.

Я только рукой и махнул.

Это – мои друзья.

Идиоты.

И ведь и не переделать уже.

Нда.

.Глебушка тем временем из несессера тюбик какой-то мази вынул.

– Во, – говорит. – Это точно поможет. Намажь, бинтовать не обязательно. И даже вредно. А по жизни если, так я тут с Валерьяном согласен, прямо-таки абсолютно. Мудак и есть. За это, наверное, и любим. Но ты, Славкин, этим не обольщайся, все равно рано или поздно и нас заипешь этой своей придурковатостью. Ладно. Ты пока мажь. Я за тебя твои обязанности в этот раз, так и быть, исполню и нам с Валеркой налью...

– А мне, – возмущается Славка, аккуратно втирая бесцветную пахучую мазь, – или тут что, раненым не наливают?!

Мы с Глебой – только хмыкаем и переглядываемся.

Ну да.

А почему бы, собственно говоря, и нет?

– Наливают, – успокаиваем. – Наливают. Герой.

Глава 12

... Водку пришлось запивать уже чуть остывшим чаем, ничего больше как-то и не хотелось уже.

Да и вообще я что-то тоже, вслед за Славиком – затосковал.

Особенно, что называется, в окно глядячи.

Карельский лес, если на него глядеть непредвзято, без этого столичного придыхания, – суров.

И, в зависимости от освещения, – может навевать самые разные настроения.

В том числе, кстати, и вполне себе даже и поганые.

Да.

.Не в этом дело.

Просто в этом мире, к сожалению, есть много такого, что мне в нем активно не нравится и о чем даже не хочется думать.

Но приходится.

Увы.

Такова жизнь.

В принципе, обижаться нечего, сам себе эту работу выбирал.

.Глеб смотрит в мою сторону с пониманием:

– Что, – хмыкает, – Валерьяныч? Опять мировой Гондурас беспокоит?

Я морщусь:

– Ну да, – отвечаю, глядя в окно. – Расчесался.

Ларин тоже морщит губу.

Кивает.

– Неужели, – вздыхает, – даже по дороге на рыбалку забить нельзя?

Я только грустно хмыкаю.

С силой, почти что до крови, прикусываю нижнюю губу.

– А я, – спрашиваю, – как ты думаешь, чем сейчас занимаюсь?! Как раз пытаюсь забить. Молчим.

– План у тебя, Валер, видимо, какой-то хреновый, – пытается пошутить Славка. – Раз забить так и не получается...

И, презрев боль в обожженной кипятком ладони, отбирает у Глеба бутылку и начинает разливать по следующей.

Ай, молодца.

Мы с Лариным тихо смеемся.

Растёт, думаю, молодой.

– А если серьезно, – внезапно вздыхает Славян, – то в мире действительно херня какая-то происходит. Вот кому нужна эта дурацкая движуха в Донецке?! Ну, кроме политиков, разумеется.

Я на него внимательно смотрю.

Жму плечами.

– Да, в общем-то, – говорю, – людям она нужна, Слав. Причем, что самое в этом страшное, нужна с обеих сторон. В том-то и беда.

Глеба поднимает рюмку, внимательно ее разглядывает.

Морщится.

– Угу, – прикусывает, чуть ли не копируя мой невольный жест, нижнюю губу. – Если б ко мне в дом пришли и сказали, что я на неправильном языке со своими детьми разговариваю, я б тоже автомат взял. Тут, что называется, без разговоров.

Славка тоже морщится.

– Да это-то как раз понятно. На хрена было разжигать?

Я хмыкаю.

– А нас, – качаю головой, – в общем-то, Славян, никто и не спрашивал. Пришли да и разожгли, делов-то. Подпалить, что плохо лежит, ума большого не надо. Нам теперь только и остается понимать, что с этим костерком делать...

Пауза.

Даже слышно, как колеса стучат по стыкам да дребезжит ложка в пустом стакане на столе.

Глеб отрицательно качает головой.

– Да нет, – вздыхает наконец. – Ты, Валерка, в этих вопросах, вор конечно, авторитетный. Но что-то мне не верится, что те, кто разжигал, много нам вариантов оставили. Глупо было бы. Я бы, по крайней мере, не оставлял.

Я отрываюсь от окна, за которым продолжает пролетать хмурый карельский лес.

Чешу лоб ногтем левого указательного пальца.

Того, что на левой руке, в смысле.

Вздыхаю в ответ.

– В нашей жизни, – констатирую, – Глебушка, всегда есть место для двух вещей. Подвига и импровизации. Это я к тому, что в таких стратегических конструкциях тактическое, оперативное планирование – всегда самая слабая сторона. В результате «заранее обреченных на успех» комбинаций в природе, в сущности, не существует. Ибо и те, на ком эксперименты ставят, тоже все-таки не совсем чтобы обезьяны, да и возможности затупить и обосраться для исполнителей, которых тут приходится задействовать почти угрожающее количество, при данном раскладе становятся фактически безграничными. Так что пободаемся, да еще как, тут даже и не сомневайся.

Славка фыркает.

– Ну, – морщится, – геополитика геополитикой, а мы тут вроде как бы все-таки про людей. Ты же только что говорил, что война и самим людям нужна, а снова устраиваешь спич не о людях, а о политиках.

Я трясую головой.

– А что, Славк, политики, что ли, не люди? – всхлхываю. – Ну, знаешь что, дорогой. А я тебя еще другом считал...

– Да я не в этом смысле, – смущается. – Ты же прекрасно понимаешь.

– Я-то понимаю, – говорю. – А вот ты, кажется, не понимаешь. Люди воюют не потому, что им это велят политики. Люди воюют потому, что им есть за что воевать. Я так думаю, что так и в украинской армии многие считают. Ну, а уж ополченцы, так те вообще поголовно.

Славка молчит.

Думает.

– Ладно, – говорит. – Замнем для ясности. Все равно я когда «надо» воевать – понимаю. А вот когда «хочется воевать», как-то и не хера...

Глебушка тяжело вздыхает.

– А ты пока еще много не понимаешь, Славян, – морщится. – Да и не надо тебе этого понимать. Лучше так живи.

Мы понимающе переглядываемся.

Так получилось, служили в одних войсках.

И практически в одно и то же время.

Прав тут Глебушка так что.

На все сто.

Есть опыт, которого лучше не понимать.

.Славка обиженно сопит:

– А обычными словами рассказать что, нельзя?! Обязательно так вот щеки дуть?! Переглядываться многозначительно?!

Ну, блин, – чистый ребенок.

Только с большими яйцами.

Отрастил.

Да.

– Славян, – говорю как можно спокойнее, хотя самого душит смех. – Понимаешь, если ты не собираешься на войну, тебе этого знать абсолютно незачем. Это совершенно отрицательный опыт. Точнее, нет, не отрицательный. Просто другой. В нормальной жизни он совершенно не нужен, отчего люди и бесятся и придумывают себе какой-нибудь «вьетнамский» или «афганский» синдром. Просто из-за того, что они знают и умеют что-то важное, а это и на фиг никому не нужно. И некоторые, прикинь, вместо того чтобы становиться нормальными людьми, становятся сильно пьющими мудаками, слишком много думающими о себе. Вот, в принципе, и все. И просто подумай: нужен тебе такой «опыт»? И если нужен, то, извини, – на хера?!

Славка неожиданно жестко прищуривается.

– Какой мне опыт нужен, – тянет медленно, – я решу сам. При всем, что называется, уважении, Валерьяныч. Это моя жизнь, мой опыт, мне и решать. Вот и все. А насчет «синдромов» ты, Валер, по-моему, все же гонишь. Не все же такие толстокожие, как ты. А убивать живых людей, мне отчего-то так думается, – не самое простое занятие.

Глеба крикает.

– Убивать, Славян, – говорит неожиданно спокойно, – если уж ты так хочешь знать, это вполне нормально. Не плохо, не хорошо. Нормально. В смысле, если это делаешь на войне. Там это обычное, рабочее состояние. Тебя туда для этого и привезли, в принципе. «Страдать» из-за этого после возвращения может либо восторженная курсистка, либо свинарь из хозвзвода, который сам на войну не ходил, но ребята рассказывали. А так, для человека с нормальной психикой, некоторое офигение вызывает только сам момент возвращения. Плюс пара недель на понимание, где оказался, и возврат навыков нормальной человеческой жизни. Причем, эту пару недель сам по себе нормальный дембель вряд ли осознает глубину протекающих в нем психологических процессов, ибо керосинит еще хуже, чем в день проводов в армию. Вот вместе с похмельем это осознание и приходит помаленьку. А дальше кто-то приспосабливается к нормальной жизни, а кто-то живет воспоминаниями. Вот эти вот могут в себе внутри что угодно расковырять, любой, понимаешь, синдром. К счастью, таких, много о себе думающих, все-таки меньшинство. И можешь, кстати, извиниться перед Валерьянычем: «толстокожесть» тут совершенно реально ни при чем...

Глава 13

...Мы уже подъезжали к Медвежьегорску, когда дверь в купе неожиданно распахнулась.

Алёна.

Во всей своей недетской красе.

– Здравствуйте, мальчики, – говорит.

Я чуть мысленно водкой не подавился.

Нормальное начало, думаю.

– Я так поняла, мы с вами фактически в одни места едем, – продолжает. – А вы не ответе даму по этому поводу в ресторан?! Пусть это будет даже «вагон». А то мои все дрыхнут. А я выпалась. Мне скучно и хочется кого-нибудь съесть.

. Вот, думаю, твою мать.

Начинается.

.Я, оно конечно, хотел сначала в какую-нибудь сторону съюлить.

Но по охотничьей стойке, – лапа вперед, хвост параллельно земле, даже целых два хвоста, я бы сказал, – понял, что в ресторан идти все-таки придется.

Просто чтобы глупостей не наделали.

А то – эти могут.

Только дай..

.Нет, я все понимаю.

Безусловно.

Ага.

– А отчего бы, – улыбаюсь, – и не проводить. Дайте нам только минут несколько, мы с парнями чуть носики припудрим.

Дама хихикает и удаляется, грациозно прикрывая дверь.

Я показываю двум высунутым языкам сначала кулак, а потом еще и средний палец вдогонку.

– Охолоните, – шиплю, – изверги. Оставьте тетку в покое. Она почти наверняка чья-то мать и жена.

Высунутые языки меня, естественно, не слушают.

И глаза горят совершенно нездоровым охотничьим блеском.

Альфа-самцы, мать их так.

Проблема.

Блин...

... Ладно.

Пора и вправду собираться, а может, и даже носик попудрить.

А то эти красавцы там без меня такого натворят.

... Когда ровно через пять минут я открыл дверь в коридор, я моментально понял, то сбываются мои самые худшие опасения.

Девушка тоже переделась.

Причем, если снизу это были еще пусть и обтягивающие, но все-таки джинсы, то сверху было накинуто нечто настолько легкое и воздушное, что лучше бы она не одевалась сверху вообще, так было бы просто честнее. По крайней мере, первое, во что уткнулся мой взгляд – так это был даже не столько тяжелый и, судя по всему, темный сосок, а родинка с внешней стороны идеальной формы груди: девушка стояла в полоборота.

Лифчики ей, кстати, еще долго, думаю, не понадобятся.

Ага.

Я невольно сглотнул.

Она – демонстративно «ничего не заметила».

Да.

. Даже вот, кстати, думать не хочу, какие сейчас глаза у вылезающих у меня из-за спины оглоедов.

Как у какающей собачки, скорее всего, разумеется.

И такой же вывалившийся язык.

– Вы, – говорю, – Алёна, немилосердны. Как бы нам из-за вас драться с кем-нибудь сегодня еще не пришлось...

Она деликатно хохотнула и изобразила что-то вроде книксена, демонстрируя ровный загар по всем двум полушариям и окончательно вгоняя мой лоб в испарину.

Как мне показалось, – не без самодовольства, разумеется.

Дела...

.Как, кстати, накликал.

Не успели даже до вагона-ресторана дошкандыбать, как нам эти два «морячка» в тамбуре повстречались.

Такие.

Широкие, короче.

Проще перепрыгнуть, чем обойти.

И уже достаточно бухие для того, чтобы начинать терять тормоза.

Один, по крайней мере, – уже точно всё.

Мурманский поезд, а что вы, простите, хотели.

– Ути-пути, – тянет лапу тот, что попьянее. – Иди к нам, курочка. Мы тебя повеселим. А вы идите, петушки, куда шли. У вас для такой девочки писи маленькие пока.

.Большой шкаф, как известно, отличается тем, что громко падает.

А этого я еще и отправил в сторону как-то очень своевременно выставленной коленки Глебушки.

Он ее всегда вовремя выставляет, насколько я его помню.

А помню я его – уже довольно давно.

.Второго, того, кто потрезвее, добил двумя двойками, в печень и голову, Славян.

Ну, тут можно не беспокоиться: в ринг я и сам против Славки не очень охотно выхожу, даже в соответствующих перчатках, маске и с капой в зубах: хоть он меня и изрядно полегче, но – все-таки КМС.

А вот первый, даже после глебушкиной коленки, гляжу, зашевелился слегка.

– Ну, все, – сплевывает. – П..ц вам, суки.

И, гляжу, начинает потихоньку подниматься.

Пришлось встретить, – с ноги, чтобы не нагибаться – я, говорят, по молодости неплохо в футбол играл.

Но неприятности, думаю, нам все равно как-то не нужны...

– Славян, – командую, – веди даму в заведение. Нам с Глебом, кстати, по пятьдесят вис-карика какого-нибудь поприличнее закажи, лучше чтобы со льдом. А мы тут немного задержимся, чисто для проведения некоторой профилактической работы.

Славян понимающе кивнул и слегка подтолкнул совсем даже не удивленную девушку к двери в следующий тамбур: эти двое нам с Глебушкой – явно не соперники, если, разумеется, друзья-приятели не набегут.

Ну, – так мы для этого и остаемся, чтобы не набежали.

.Повернулся к постепенно приходящим в себя мариманам, достал из кармана ксиву: она у нас, в нашей конторе, – солидная.

С гербом.

– Ну, – спрашиваю, – орлы морские, вас сразу в ментовку сдавать, с соответствующим наказом?! Или сначала еще раз писюнами померяемся?! Ну, там, чисто по длине, допустим. Или еще как.

.Нет.

Извинений мы от них, разумеется, не дождались.

Но «все, мужики, замяли, мы ж не знали, что вы какой ебучий спецназ», – услышали, и этого было более чем достаточно.

Больше не подойдут.

...А в ресторане нас уже ждал виски и самодовольная мордочка нашей чересчур очаровательной попутчицы.

Ну, – все, думаю.

А вот теперь – уже точно – пропал дом.

– А вы здорово деретесь, – констатирует. – Я люблю, когда мужчины красиво дерутся.

Ну, так, как, типа, – здрасьте.

Перед дамой, кстати, – тоже пузатый стакан обнаруживается.

Со льдом.

– И опыт, – цитирую, – сын ошибок трудных. Ничего, в принципе, особенного. С трезвыми было бы сложнее.

Принюхиваюсь, кстати, к напитку.

О, боги, мать!

– Слава! Сколько раз тебе можно говорить, что я не пью бурбон! Ты бы хоть из уважения, что ли, запоминал, да.

Славян равнодушно жмет плечами.

– Да вас хрен упомнишь, – говорит. – Один одно не пьет, другой другое. Не кипятись, Валерьяныч. Сейчас перезакажем.

Алёна тихо смеется.

Хороша стерва, ничего не скажешь, конечно.

Да.

.Славян тем временем идет к стойке, о чем-то договаривается с колдующим там то ли барменом, то ли официантом.

Возвращается с виски, кстати.

– Вот, – гордится. – Ирландский, как ты любишь. Извини, действительно что-то выехал, да. А этого у него последняя бутылка осталась.

– Славочка! – выгибает брови вверх немилосердный Глеб. – И эта последняя бутылка до сих не у нас на столе?! Не узнаю вас в гриме!

Алёна – уже откровенно залиvisto хохочет.

Цель достигнута.

Самцы начали поднимать хвосты и распушать перья.

Ад, конечно...

... Славян исчезает во второй раз и возвращается уже с бутылкой. Виски, кстати, смотрю, – вполне себе даже и не рядовой.

Отличный торфяной сорт.

– Он по секрету сказал, – угадывает мои мысли, кивая в сторону официанта, Славка, – это его трофей. Мужик какой-то забыл, когда в Москву из Мурманска ехали. Сколько стоит, не знает, продает по цене «Джеймисона». Берем?

Ха!

Мы с Глебом только переглядываемся – он тоже временами против доброго торфяного молта не возражает.

Разбирается, так сказать.

Еще бы.

– Конечно, берем! – офигеваю от глубины поставленного вопроса. – Тут в другом небольшая проблемка: надо формат менять.

– В смысле?! – удивляется Славка.

Ларин со вздохом хмыкает:

– Да ничего сложного, Славик, – улыбается. – Тащи-ка сюда этого бойца трофейной команды.

... Через пять минут у нас на столике красовались в отдельных вазочках зеленые оливки и черные маслины на косточках, ведро со льдом для желающих портить напиток льдом, бутылка отличной французской (откуда такое в рядовом вагоне-ресторане пусть и «фирменного» поезда?!) водой без газа для желающих портить напиток водой, еще одно ведро с охлаждающейся бутылкой неплохого крымского брют (ну, с этим-то сейчас, после «присоединения», думаю, попроще), вазочки со сливочным маслом и красной икрой, а совершенно обалдевший от внезапного раскрытия своей собственной сущности «бармен-официант» всю жарил на кухне, естественно, наглухо отсутствующие в меню тосты из черного хлеба «с тертым чесноком и сыром, только не пережаривай».

Я ж говорю, – стол Глеб Ларин, если относится к этому серьезно, – не доверяет вообще никому.

Обстоятельный, так сказать, человек.

И, если надо, – очень-очень убедительный.

Такой вот особый талант...

– Хм, – глотку вискаря, сделанному леди, позавидовал бы иной портовый грузчик, что называется. – Ребят, а вы кто такие?! Я сначала решила, что какие-то коммерсы средней руки. Потом, когда вы по дороге сюда тех морячков быстренько положили, – что вы какой-то спецназ. А сейчас вот даже и не знаю, что и думать.

Мы переглядываемся.

Прямо как в той известной телевикторине: кто отвечать будет?

Звонок другу?!

Нда...

.Ну, вот что тут сказать?!

– В данной конкретной ситуации и в данный конкретный момент времени, – вздыхаю. – Мы обычные рыбаки. Можно сказать, спортсмены своего рода, которые, кстати, усиленно нарушают режим и вторые сутки квасят уже, вместо того чтобы к рыбалке готовиться.

– Так-таки и обычные? – провоцирует.

Но тут уже меня хрен так просто возьмешь.

– Ну, – жму плечами, – может, и не совсем обычные. Но все-таки рыбаки.

– Угу, – делает еще один вполне себе уважительного размера глоток, – а чем всё остальное время занимаетесь, разумеется, военная тайна.

И, – так, довольно мелодично, – насвистывает одну известную мелодию.

Ах ты, думаю, стерва малолетняя.

– Нет, – улыбаюсь. – Эта «опасная и трудная служба», если я что-то еще в этой жизни понимаю, сейчас как раз в вашем, Алён, купе довольно мирно посапывает. А мы – люди сугубо мирных, гражданских профессий. Я вот, к примеру, старший по возрасту в этой веселой компании, а по профессии журналист. Глебушка у нас по возрасту средненький, он по финансовой части пошел. Ну, а Славик, тут вы угадали, действительно «коммерсант средней руки», туризмом занимается.

Мужики тихо ржут.

Оценили, значит.

И ведь что характерно – вообще ни разу не соврал...

... Алёна, гляжу, кстати, тоже потихоньку хихикает.

А вот это ты молодец, девочка, думаю.

Умеешь держать удар.

– Тот, который «опасна и трудна», кстати, – хлопает ресницами, – это мой муж. А второй, Гена, это мой брат. Двоюродный. Я их уговорила с собой на рыбалку взять, никогда на Севере не была.

.Так-так-так, думаю.

Муж и брат.

Что-то в этой шараде не клеится.

Ладно, позже разберемся.

Если понадобится, разумеется.

Пока вот – совершенно избыточные знания, мне отчего-то так кажется.

Хотя – это с какой стороны посмотреть.

– А вы, кстати, женаты, мальчики? Или как?

.Та-та-та-та-та-та-та.

Ой, ты моя умница.

– Лично я, – говорю, – женат. Может, и не всегда счастливо, ибо характеры у обоих не дай Бог. Но давно и прочно. А что?

Жмет плечиками.

– Да ничего, – подставляет стакан Славяну, который послушно льет туда виски. – Так, интересно просто.

.Внезапно чувствую, что очень хочется курить.

А ведь и не ретируешься, по такому-то разговору.

Слишком будет похоже на слив.

Хорошо, Глебушка выручил.

– Я тоже женат, – говорит спокойно и тоже подставляет Славка бокал.

Я, кстати, присоединяюсь.

Делаю глоток, демонстративно достаю сигареты из сумки.

Теперь можно...

... Когда ухожу, слышу, как что-то бормочет Славка.

Алёна и Глебушка смеются.

Ситуация, кажется, разряжается.

Ну и хорошо.

.В тамбуре было светло и прохладно.

Одиночество и стук колес.

И, кстати, – опять дождь за окном: косые росчерки по стеклу, люди в плащах и капюшонах на редких карельских полустанках и переездах с яркими, чистенькими от дождя красно-белыми шлагбаумами на фоне темного, мрачноватого леса.

Реки.

Речки.

Речушки.

Мосты со стремительным течением воды за лесом стальных ферм.

Хорошо.

.Сигарета закончилась как-то чересчур быстро, я подумал и закурил следующую.

Так.

Что мы имеем.

А имеем мы мутную историю с не менее мутными попутчиками, которые, есть такое пока что подозрение, могут оказаться с нами не только в одном поезде, но и в одном лагере на реке. С учетом того впечатления, которое, как выясняется, замужня и вполне себе даже раскованная

девушка Алёна производит даже на не изголодавшихся еще покуда за время пребывания в тайге мужиков, мне даже страшно себе представить, как будет искрить на реке и в лесу на пятый, допустим, день экспедиции.

Ладно.

Может – я еще и слишком рано гоню.

Может – они еще и мимо.

Да и вообще, проблемы надо решать по мере их поступления, а не вертеть в голове, пока еще ничего даже и не началось.

Я вздохнул, потушил окурок и отправился обратно в вагон-ресторан, пить виски с друзьями и развлекать как-то уж слишком подозрительно рано заскучавшую девушку. Впрочем, эта девушка явно стояла того, чтобы ее немного поразвлекать...

Глава 14

... Когда мы в полседьмого утра вылезали в Кандалакше, там, естественно, шел дождь, а у меня отвратительно болела голова: «шлифовка» виски брютом была все-таки лишней. Вот ничего с собой поделывать не могу, – и жену люблю, что сам прекрасно понимаю, как и то, что, в общем-то, мне ее во всех отношениях достаточно, а как вижу какую дерзкую юбку, – так сразу делаю стойку, как хорошая собака на зайца.

Видимо, инстинкт.

Выволок рюкзак с тубусами, помог вытащить холодильники, пообнимался, несмотря на мутную головную боль и вообще общее нехорошее состояние, с приехавшим нас лично встречать Санечкой, «егерем и директором в одном лице», отошел в сторону покурить.

На улице, несмотря на очень раннее утро, – стоял день.

Уже, кстати, который день стоял день.

Кольский полуостров все-таки, как-никак.

Полярный круг.

Лето.

Июнь.

. Выбросил сигарету в одинокую вокзальную урну, втянул изо всех сил в легкие стылый северный воздух.

Ну, – вот и приехали.

Здравствуйтесь, мои любимые севера.

Да.

. У вещей, тем временем, как выяснилось, шло братание.

Если это можно так выразиться: ибо главным предметом братания была Алёна.

Как я и боялся, она и ее спутники оказались нашими попутчиками не только в поезде: даже палатки в лагере стоять будут рядом, как с гордостью пояснил это братание и устроивший Санечка.

Ну да ладно.

Тут как в той сказке: жила-была девочка – сама, дура, виновата.

Так что не будем себе действовать на нервы и усложнять: в конце концов, я-то сюда в любом случае рыбу ловить приехал, а не разбираться в чьих-то хитросплетениях, особенно если они, сука, из Камасутры.

Я здесь для другого, совсем.

Воздухом дышать.

По речке бродить.

Водку пить, в конце-то концов, – отстаньте, – на фоне любимой северной природы да на свежем воздухе.

И вообще...

... Погрузились в машину довольно бодро, но душа все равно требовала пива.

И, кстати, есть такое ощущение, что не у меня одного.

Я, – сначала, правда, галантно предложив это сделать Алёне, – нагло оккупировал переднее сиденье минивэна (а потом и ГАЗ-66, в который мы перед Умбой пересели), под предлогом, что «я много курю».

Удовлетворенно вынул у Сани из бардачка флягу с «заначкой» (будто я не знаю, где она там у него лежит, ага), сделал солидный глоток.

Твою мать!

Да там у него – спиртяга!

А он еще и ржет, рожа, твою мать, уголовная!

.Весело, короче, поехали.

С огоньком.

... Проехали немного, сделали первую остановку: обязательную, – на Смотровой, прямо за Кандалакшей.

Мы всегда там останавливаемся.

Такая там красота...

.. Посмотрели на гладкое с высоты и ослепительно синее Белое море.

На дальние туманные острова.

Санечка, кстати, как-то ко мне сзади совсем незаметно подкрался, совсем по-мальчишески сделал вид, что пытается столкнуть вниз, и, – конечно, – поймал: все проржались, я проматерился как следует.

Потом отдышался.

Кинул еще один взгляд на царящий внизу покой.

Ну что, поехали дальше?!

А поехали.

.Поехали.

Как только в кабину сели и Саня убедился, что наш разговор никому уши не греет, так сразу и рубанул в лоб:

– Что-то ты, Валерьяныч.

Я усмехаюсь, – одним, левым концом губы:

– Постарел?

Он кидает на меня быстрый, внимательный взгляд.

Задумывается на пару секунд:

– Да нет, – хмыкает в свои пышные «деревенские» усы. – С этим пока что все в порядке вроде. Хрен кто скажет, что я тебя почти что на пять лет моложе. Посопливей ты как-то выглядишь. Нет, не это. То ли сдал, то ли просто устал сильно.

Я киваю, устраиваясь на сиденье поудобнее.

Достаю предусмотрительно вынутую и переложенную в бардачок на стоянке бутылку виски (ну, и там по глотку приняли, чего уж греха таить).

Еще раз киваю.

Глотаю.

Чего же мне сейчас так хочется-то, думаю?!

Может, курить?!

– Да, – говорю. – Есть такое немного. Немного устал.

Он только головой машет, прикуривает сигарету от прикуривателя.

Еще какое-то время молчит.

Выдыхает фиолетовый дым.

– Хрена себе, – снова затягивается, – немного. Если даже я, человек, в принципе, посторонний, и то с первого взгляда отмечаю...

Я морщусь.

– Во-первых, ты не посторонний, – хмыкаю, и тоже лезу в карман за сигаретами. – А во-вторых, те, кто меня постоянно видят, те как раз и не замечают. Эта херня – штука постепенная, Санек. Не одним днем набирается. Да ладно, что тут обо мне, я-то как раз сюда от всего отдохнуть и приехал. И, уж поверь, отдохну. Сам-то как?

Он, насколько это позволяет баранка, жмет плечами.

– Да как. Как всегда. Как мудака, в принципе. Кручусь.

. Он, вообще-то, по-своему счастливый человек, этот наш Саня.

И везучий.

Невысокий, невероятно жилистый уральский детдомовец, с круглым улыбочивым лицом и от природы хитрющими глазами: человеку с такими глазами слишком уж доверять нельзя ни в коем случае, и это вызывает даже какое-то мгновенное уважение: да, с парнем надо ухо держать востро.

Ну и что?!

Ну, – и держи.

Как договаривались.

Не удержал – сам дурак, извини, он же тебя аж всем выражением своего собственного лица предупреждал.

. Самое смешное, что Саня, при такой вот внешности и совершенно дикой, надо отдать должное, матерной говорливости с шуточками и прибаутками, – человек абсолютно, твердокаменно надежный.

Вот даже и не знаю, с чем его можно в этом отношении сравнить.

Человек, которому можно полностью доверять.

Скала.

И поэтому «ухо держать востро» с ним – ну, совершенно не обязательно.

Но – эти, сука, глаза...

...А так – да.

Детдомовец.

Причем, при живых родителях.

Понятное дело – алкашня.

Да, – с Урала.

Да, наколка на правой руке и сваливание из родного города еще на исходе советских лет под угрозой вполне себе даже и уголовной статьи.

Потом – армия.

Мореходка.

А потом еще, кстати, на удивление, – и институт.

Радиоинженер так-то.

Откуда он оказался здесь, на Севере, – Бог его весть.

Вроде как за женой приехал.

Но – прижился.

Стал для местных поморов почти полностью своим, – а это, поверьте, непросто, – народ тут, на Севере, вообще исторически недоверчивый.

Белое море и окрестную тайгу знает получше любого местного, причем, что важно, любит их, судя по всему, очень даже и по-настоящему.

Своя маленькая фирма.

Типа – туристическая.

Рыбалка, конечно, в основном.

Весной и осенью – семга.

Летом – треска в Белом море.

Зимой – хариус из-под льда.

Но иногда организует и сплав для байдарочников, хоть те больше и предпочитают Карелию: там, конечно, красивей. Хотя это, безусловно, смотря на чей вкус: я сам Карелию очень, кстати, люблю, – но на Кольском мне отчего-то все-таки как-то лучше.

Причем намного.

Может, – оттого что море, пусть и холодное, но какое-то очень правильное.

А может – и еще почему.

Долго думал, кстати, над этим вопросом в свое время: визуально-то в Карелии мне очевидно больше нравится. Особенно если осенью, когда на озерах острова разноцветные и мелкий, прозрачный дождь.

Но так и не разобрал...

... А женат, кстати, Саня на той самой невесте, вслед за которой сюда, к черту на рога, и край света и примчался.

Дети уже взрослые.

Имеется уже даже и зятек...

– Дочка-то как? – вспоминаю смешную и очень симпатичную, несмотря на характерную местную коротконогость, барышню. С веснушками, косичками и не по годам серьезными светлыми северными глазами.

Он досадливо машет рукой.

Вторую, слава Богу, с руля, разумеется, не убирает.

– Да дура она! – плюет за окно и лезет за очередной сигаретой. – Привела этого кобеля. И хрен бы с ним еще, что тупой, не таких обламывали. Но ведь он еще, сука, и ленивый! Работать вообще не хочет! Сетки летом поставит, рыбы набраконьерит, продаст, – на бухло и одежду хватает, конечно. Но ведь так ведь, сука, нельзя!

– А что ты тут сделаешь? – поворачиваюсь к нему вполоборота.

– А ничего, – отворачивается к окну, выплевывает только что прикуренную сигарету. – Любовь.

Я жму плечами.

– Ну, тогда и забей, – советую. – Либо она его у тебя выпрет, либо человеком сделает. Девка, помню, серьезная росла.

Он расцветает:

– Да я, – смеется, – в общем-то, тоже так думаю. К тому же, все-таки не без моей подсказки решила в институт поступать. В медицинский. Летом едет. Если этот урод только посмеет чё-то вякнуть, сам его лопатой отхерачу, вообще все забудет. А когда вернется, – будет совсем другой человек...

Я молчу.

– А точно вернется?! – спрашиваю. – А то сейчас многие уезжают.

Он кивает.

– Вернется, – говорит уверенно. – Врач – профессия нужная. А она и хотела с детства именно у нас в райбольнице работать. Сейчас времена-то попроще вроде как возвращаются, можно голову больше работой, а не бабками за нее забивать. Да и я помогу, если что. Раз уж мне-то самому как раз вертеться по этой жизни выпало.

.Я отхлебываю еще глоток виски, в несколько затяжек выкуриваю очередную сигарету, выбрасываю окурочек в окно и прикрываю глаза.

Надо немного поспать.

Да еще и знакомого одного что-то вспомнил, из-за Санечкиных разговорах об «усталости» и прочей байды.

Был у меня такой Боря.

Давно.

Я тогда еще бизнесом вовсю занимался.

Впрочем, почему это, извините, был?!

Есть.

Глава 15

Простая история Бори Наймана

... Это – очень простая история.

Банальная.

Таких, наверное, миллионы.

От Бори Наймана ушла жена.

Ну, казалось бы, – и фигня какая.

Тем более что Бориному жизнелюбию мог позавидовать любой ведущий ток-шоу в ящике, денег он имел столько, сколько хотел, да и внешностью Бог не обидел.

По крайней мере, девчонки молодые на него, широкоплечего сорокалетнего шатена с пышной гривой волос, тонкими чертами лица и холодными серыми глазами цвета осенней Балтики, – вполне даже ничего себе реагировали.

И он на них, кстати, тоже.

Ни одной юбки не пропускал по случаю.

А она – невысокая сухощавая мадам «тридцать с изрядным хвостиком». Из всей внешности которой только и можно было выделить, что красивые, ухоженные руки с тонкими длинными пальцами, крашенные волосы да яркие, выразительные, светло-серые до прозрачности глаза почти что профессиональной стервы.

Чем она занималась – ума не приложу.

То ли театром, то ли кино.

Впрочем, – какая, в принципе, разница.

Если уж я, человек вынужденно светский, о ее выдающейся роли в современном искусстве ни на одной из тусовок ничего и ни от кого никогда не слышал, кроме того, разумеется, вопиющего факта, что она «Катя, жена Бори Наймана, занимается, кажется, театром», то вы – и тем более не обязаны.

А вот Боря...

...Боря был человеком в нашем мире более чем известным. Его, можно даже так сказать, – многие почти что любили.

Настолько, разумеется, насколько вообще могут кого-то любить в нашей среде.

Нда уж.

Мы с ним познакомились, в общем-то, вполне случайно.

Просто у него в который раз проворовалась очередная девица, заведовавшая отделом рекламы.

Вот он и, замучившись их нанимать, обучать и выгонять, попросил знакомых порекомендовать «какое-нибудь надежное рекламное агентство, с хозяином которого можно договориться, чтоб не платил моим сучкам откаты».

Агентство оказалось – моим.

Вот и познакомились.

...А потом и затусовали вместе.

Слишком уж ему понравилась наша компания, состоявшая из веселых и вполне себе разнокалиберных подонков.

Байкеры.

Рейсеры.

Пара-тройка мрачноватого вида ребят из серьезных фанатских «фирм».

Рекламщики.

Какие-то полубезумного вида спецы по пространственному дизайну.

Прожженные и пропахшие цинизмом и табаком журналюги с ящика.
Окончательно очумевшие от ежедневных финансовых игр брокеры и трейдеры.
Рок-музыканты.
Владелец кошачьего питомника.

Поэт, стихов которого никто и никогда не слышал.

Вполне себе долбанутые бывшие физтеховцы, кандидаты и доктора, по нынешним непrouстым временам срочно перековавшиеся в продавцов компьютерной техники и программного контрафакта...

...Словом: всякой твари по паре.

Только геев не было.

Не приживались.

Не наш стиль.

Зато девиц было – хоть отбавляй.

В основном, конечно, – всевозможные студентки, модельки, актрисульки из столичных театров и прочие искательницы всевозможных приключений на свои хорошенькие задницы.

Надоедливые и нудные – изгонялись.

Но на их место тут же стройными рядами вписывались новые претендентки.

Благо красивых девчонок в Москве, слава Богу, куда больше, чем в каком-нибудь хваленном Париже.

Бывал я в этом Париже, и не раз, знаете ли.

Помойка и есть помойка.

Грязь, окурки, бумажные кульки, вонючая Сена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.